

VINOKUROFF

Я СТАНУ
ИМПЕРАТОРОМ

2

Юрий Винокуров

Я стану императором. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70281721

SelfPub; 2024

Аннотация

Сюжет продолжает закручиваться, Антону нужно как-то разобраться со своим статусом «недоодарённого», а для этого ему необходимо закончить Академию. Будет ли он официально Инициирован, либо с ним случится что-то незапланированное – вы узнаете на страницах этой книги. Кроме этого, еще немного раскроется ЛОР вселенной, а именно некоторые вопросы по возникновению Империи, личности Императора и его взаимоотношениям с Линиями. И да, Хаос не дремлет!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	64
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Юрий Винокуров

Я стану императором.

Книга 2

Дорогие Читатели! Друзья!

Спасибо, что вы всё еще со мной на страницах этой книги. Сюжет продолжает закручиваться, Антону нужно как-то разобраться со своим статусом «недоодарённого», а для этого ему нужно окончить? Академию. Будет ли он официально Иницирован, либо с ним случится что-то незапланированное – вы узнаете на страницах этой книги.

Кроме этого, еще немного раскроется ЛОР вселенной, а именно некоторые вопросы по возникновению Империи, личности Императора и его взаимодействия с Линиями. И да, Хаос не дремлет!

Поехали!

Пролог

12 лет назад

9011 год от основания Империи

Планета: Калипсо, столица сектора Акабар

Принадлежность: Империя

Антон поднял взгляд, и увидел арку странной конструкции, в которую были врезаны тяжёлые двустворчатые ворота, оббитые бронзой «под старину». Сама арка напоминала многолучевую звезду с лучами разной длины. Построенные из старого камня тысячи лет назад, главные ворота в Имперскую Академию им. Густава Швабского выглядели внушительно.

Почти четыре тысячи лет существовало это учебное заведение, пополняя ряды инициированных Одарённых новыми адептами.

Заметив его изумление, сопровождающий мальчика офицер усмехнулся.

– Нравится?

– Не знаю еще, – пожал плечами маленький Антон. – Как-то это всё странно выглядит.

Последний месяц, вообще, был самым странным в его недолгой жизни. После того как Инквизитор в зелёной робе определил, что мальчик владеет Даром, жизнь ребенка резко

переменилась.

Ему даже не дали вернуться в его комнату забрать вещи и попрощаться с немногочисленными приятелями. Весь его нехитрый скарб принесли позже в новую комнату.

Новая комната скорее напоминала карцер приюта, куда он часто попадал за плохое поведение. Бетонные стены и маленькое окошко с решёткой. Но были и отличия.

Матрац на кровати был мягкий, а одеяло тёплое, постельное бельё чистое и в комнате был персональный душ с горячей водой. Только для него одного! А еще он, наконец, наелся досыта.

Добавки давали столько, сколько он просил. И пусть в первый же день он переел и у него сильно скрутило желудок, так, что его пришлось насильно промывать под присмотром заботливого доктора, тихо ругавшегося на прислугу, допустившую это.

Но в последующую неделю, до отлёта корабля он, наконец, впервые в жизни не испытывал голода.

Потом пришел улыбчивый офицер, который представился лейтенантом Стивеном Хоуком и забрал мальчика. Несколько часов поездки на большом автомобиле с чипсами и сладкой газировкой и вот они прибыли на космодром.

Две недели на имперском корвете и вот теперь они на планете Калипсо, стоят перед воротами Академии, где пройдут его следующие тринадцать лет.

«Император мудр, и Император защищает. Даже таких от-

бросов, как вы!» – так говорили воспитатели в приюте и сейчас Антону выпала возможность в этом убедиться. В отличие от тысяч других сирот, оставленных в приюте на далёкой планете Адриана.

– Эта Арка, – лейтенант показал на вход. – Обозначает взрыв. Основатель Академии, Густав Фридрих Шваццкий, Маршал его Императорского Величества владел Даром Энергетического Взрыва. С его помощью он сокрушал врагов Империи и Императора. И поэтому, главные ворота Академии символизируют его Дар. Дар, с помощью которого он нёс волю Императора по Галактике!

Антон пожал плечами еще раз. Больше всего этот «взрыв» напоминал ему корявую звёздочку из папье-маше, которую каждый год на Рождество надевали на вершину искусственного зеленого дерева, называемого «ёлкой».

– Пойдём? – кивнул лейтенант на открытые створки.

Мальчик фальшиво улыбнулся и кивнул. И они пошли. Его впереди ждала новая, увлекательная жизнь, полная унижений и возвышений, побед и поражений. Но в этот момент, Антон постарался запомнить, что Императору, как бы он не был велик и могуч, всё равно нужны помощники. И что нужно обязательно найти себе своего персонального «маршала Швацкого», а лучше даже двух.

Глава 1

Имперская Академия им. Маршала Густава Шавацкого находилась в очень живописном месте. На берегу реки Анаконда, окруженная невысокими холмами, покрытыми лиственным лесом в пятидесяти километрах к северу от столицы планеты – города Нью-Арк.

Территория Академии, обнесённая высокой стеной, занимала площадь около 100 квадратных километров. Весь центральный академический городок являлся местом, где, в течение почти четырёх тысяч лет творилась история. История Одарённых.

Тут было сосредоточено множество исторических мест, зданий и памятников. В течение всех этих лет, Академия перестраивалась, но в целом, она выглядела так же, как и три тысячи девятьсот тридцать пять лет назад, когда было основана. Большинство зданий Академии были построены в готическом стиле из серого и чёрного гранита. И выглядели, надо признать, внушительно и эпично.

В 5089 году от основания Империи, был заложен первый камень на месте бывшего форта, расположенного на стратегической возвышенности с живописным видом на реку, Анаконда.

Академия была основана через год после того, как Император приказал приступить к исполнению планов расшире-

ния Империи в приграничных секторах, дабы оттянуть границы от внутренних Миров и создать «буфер» на случай внешней угрозы. Планета Калипсо с климатом, идентичным земному, являлась столицей сектора и идеально подходила для плацдарма расширения.

Маршал Густав Шавацкий в возрасте ста семидесяти четырёх лет был основателем и первым начальником Академии. Именно он заложил первый камень физически, и именно он создал ту самую репутацию, которая выгодно отличала выпускников от других военных заведений Империи.

Попасть в Академию было делом совсем непростым. Самые влиятельные Линии мечтали отправить своих представителей в это учебное заведение. Пятнадцать лет обучения. С пяти до двадцати лет. Пятнадцать курсов по сто человек на курсе – это полторы тысячи Одарённых, после выпуска готовых воевать «на земле, в небесах и на море». Не все дотягивали до выпуска. По тем или иным причинам отсеивалось до тридцати процентов поступивших. Тем почётней было дойти до самого конца.

Очередь была расписана на сто лет вперед. Места в очереди были одной из самых котируемых «валют». Официально это было запрещено, но по факту на это закрывались глаза.

Места в Академии предоставлялись по указу Императора отличившимся и наиболее преданным Линиям, и квота пересматривалась раз в сто лет. У некоторых Линий ко времени набора могло не быть Одарённых нужного возраста, дру-

гим нужны были деньги, Эссенс или услуга. Так что, так и получалось, что Линии знатные, но бедные, как правило «уступали» свои места более состоятельным и успешным «заклятым друзьям».

Имперский курьер – небольшой корабль, развозящий важную почту по закоулкам империи, прибыл на Калипсо по расписанию, ровно через тринадцать дней после отбытия с Нобеля.

Пейн заверил меня, что позаботится о детях. Как о маленьких, так и о больших. И я ему верил – чувствовалась в отставном космодесе какая-то уверенность и сила. А когда он показал арсенал вооружения, скрытый у него в подвале, я понял, что в умелых руках (а руки у Господ офицеров были боле чем «прямые»), в случае неблагоприятного развития ситуации маленькая ферма сможет сдерживать даже атаку гвардейского полка. Недолго, правда.

«Вишенкой на торте» было прибытие Миуры. Старый навигатор плевался и матюкался. Его, отдавшего столько лет беззаветному служению Империи, отправили в отставку. С выплатой внушительного бонуса, да. Чего-чего, а денег у Империи было в достатке. В отличие от Эссенса.

В обычные времена его бы «с руками» оторвали любая корпорация или представители Линии, но... Ладно, он и сейчас больше ныл, «очерняя» действительную ситуацию. Уверен, что начини он активный поиск – долго бы он не засиделся. Опытный навигатор – это основа любого транспортного

бизнеса и краеугольный камень безопасности космических полетов.

Так что, меня удивило решение имперских чиновников. Разбрасываться такими ценными кадрами? Тупость или халатность? Ладно, это проблемы Империи и её бюрократической машины. В общем теперь «у меня» был и навигатор.

Не знаю, чем он руководствовался, но он решил немного пожить у Пейна, ожидая развития событий. Семьи он не завел, родителей у него не было, а денег теперь было много.

Хотя, нет, знаю. Все люди «на Эссенсе» были своего рода наркоманами. И дело даже не в физическом состоянии тела, хотя и в нём, безусловно тоже. Уильям Миура в свои пятьдесят шесть выглядел на неполные тридцать. Дело во власти и могуществе, которое даёт тебе это вещество. Дело в открытом сознании, которое путешествует по глубинам Подпространства. Дело во власти над судьбами тысяч людей, которых ты, как библейский персонаж ведешь через пустыню навстречу новой жизни.

В общем Миура на меня рассчитывал. Крепко рассчитывал. И да, я невольно помахал у него перед носом «морковкой» в виде линейного крейсера. Осталось теперь как-то эту «морковку» добыть. Но, я что-нибудь обязательно придумаю!

Служебная машина Академии, встретившая нас в космопорту, высадила нас на проходной, развернулась и укатила по своим делам.

Мы закинули на спину свои баулы с немногочисленными вещами, приобретёнными, в основном, уже на Нобеле. Все мои личные вещи утонули на Фаиде вместе с десантным кораблём, так что запасные трусы и носки пришлось покупать новые.

Академия защищалась лучше любого другого здания на этой планете. Включая резиденцию губернатора. Ведь здесь жил и учился «золотой фонд» Империи. Губернаторов может быть много, а Одарённых – катастрофически мало!

Высокие стены, с частыми наблюдательными вышками. Зона отчуждения вокруг стен не позволяла и мухе подлететь незамеченной. На полторы тысячи Одарённых было около двух тысяч человек обслуживающего персонала Академии, а охранял территорию полноценный пехотный полк, с необходимой тяжелой техникой, расположенной в ангарах.

Кстати, «пехтура» использовалась и в качестве «условного противника» на учениях курсантов старших курсов, так что особой любви между нами не было. К общему недовольству простолюдинов к Одарённым, добавлялся еще дух зависти и соперничества. И это всячески поддерживалось и культивировалось руководством военного заведения. Оно было уверено, что пехота точно не сделает поблажек курсантам, к примеру, для незаконного ухода с территории в неурочный час. Хотя... Деньги решали. А у некоторых курсантов их (денег) было не просто много, а неприлично много!

После прохождения проверки, включающей обычный

обыск, осмотр и рентген, к нам из караулки вышел начкар.

Сложив руки на груди, слишком возрастной для звания, лейтенант медленно оглядел меня с ног до головы.

– Курсант Ноунейм прибыл для продолжения обучения в Академии! – я изобразил воинское приветствие и выжидающе посмотрел на лейтёху.

– Что это у вас, курсант? – он кинул на меч на поясе.

– Это – меч, сэр! – улыбнулся я.

– Я вижу, что не вибратор, курсант! – огрызнулся офицер. – Основание для ношения есть?

– Только рапорт командира полка, сэр! – я протянул ему свой жетон, куда Тарнавский предусмотрительно скинул информацию. Ношение оружия на территории Академии курсантам разрешалось только в карауле, куда их периодически припрягали больше для дисциплины, чем из-за реальной необходимости.

Лейтенант что-то буркнул под нос.

– Ждите!

Взял жетон и скрылся в караульном помещении. Вернулся назад он, буквально, через две минуты.

– Отдай на хранение! Холыц! Проводи! – он козырнул. – Хорошего дня, курсант!

Я повторил приветствие и повернулся к капралу, который должен был нас сопроводить и проконтролировать передачу оружия в хранилище личных вещей. Можно было «пободаться» и выбить себе право на постоянное ношение оружия,

у некоторых особенно «знатных» курсантов такое практиковалось. Они расхаживали с фамильным холодным оружием, хоть и опломбированным, но, тем не менее, подчёркивающим их статус.

Мой меч, по сравнению с их «оружием» отличался примерно, как космический корабль от наземного грузовика, несмотря на всю пафосную отделку «фамильных» клинков. Однако, в моём случае, разумно было как раз сдать его на склад. Во избежание повышенного внимания со стороны Одарённых, преподавателей и наблюдателя-инквизитора. Кстати, интересно кто это будет, учитывая, что Хокуса больше нет.

Мы прошли КПП, и я оказался на территории Академии. Место, которое вольно или невольно стало мне домом на последние двенадцать лет. Огромная территория была, по сути, мини городом. Курсантов очень неохотно выпускали за ворота, поэтому с присущей военным щепетильностью, им попытались организовать быт и досуг прямо на территории. Хотя, это было больше не про «досуг», а про «эффективное использование» свободного времени курсантов.

Начиная от того, что по территории курсанты перемещались исключительно пешком. При том, расписания занятий были составлены так, чтобы для перемещения из учебного класса на стрельбище, нужно было пробежаться. И, далеко, не трусцой. Так что физическая форма у нас была всегда на высоте, этого не отнять.

Длинная Императорская Аллея, ведущая от КПП вглубь территории была засажена многовековыми дубами, завезенными изначально с самой Земли. На планете стояло позднее лето, так что огромные деревья радовали взгляд зелеными кронами и обоняние – терпким запахом листвы. В зените светила голубая звезда, жизнь казалась прекрасной и удивительной. Особенно ярко всё это ощущалось после двух недель пребывания в крохотной каютке функционального курьера.

Полтора километра до склада мы прошли не торопясь, никак не реагируя на молчаливые потуги капрала задать более высокий темп. Он несколько раз отрывался, но так как мы с Эриком не собирались его догонять, то возвращался обратно. В итоге мы неспешно прогуливались по территории, дыша полной грудью.

Я был без понятия, когда начнутся занятия и начнутся ли они вообще. По расписанию – уже на следующей неделе, мы очень удачно прибыли на Калипсо, несмотря на все последние события.

– Здорова, Картер! – Старший уорент-офицер четвертого класса Макс Закревский махнул Эрику. – Салют, курсант!

Царь и бог в своём подземном царстве, начальник склада Закревский был невысоким чернявым мужчиной солидного возраста. В его пятьдесят четыре многие давно бы уже ушли в отставку, но Макс был не из таких. Он знал каждый закоулок своего складского хозяйства и у него на учёте был даже

списанный в прошлом столетии непарный тактический бо-
тинок. Старший уорент-офицер свое дело знал и любил.

И, хотя у него в подчинении было несколько десятков че-
ловек, он сам любил сидеть на «выдаче», контролируя при-
ход/расход и, что более вероятно, выслушивая и рассказывая
очередные сплетни. В этом ему не было равных. Он знал обо
всём и обо всех на территории Академии.

Ходили слухи о его возможном сотрудничестве с СИБ, но
за руку его не поймал, и никто не пострадал, так что это ско-
рее были домыслы на уровне «курсантских баек».

– Господин лейтенант приказал сопроводить курсанта для
сдачи личного оружия на хранение! – доложилсся капрал.

– Понял! Свободен! Спасибо! – Закревский нетерпеливо
махнул тому, отпуская.

– Салют, Макс! Рад тебя видеть! И рад, что твою толстую
задницу всё еще не выперли с этого элитного учебного заве-
дения! – Эрик пожал протянутую руку.

У любой Тени, вообще, была негласная функция специа-
листа «по связям с общественностью». Эрик решал все мои
вопросы со снабжением напрямую, поэтому с Максом у него
сложились вполне себе доверительные отношения.

Так же, как и все, не сильно любящий Одарённых,
«недоофицер», как презрительно называли уорент-офице-
ров другие офицеры, Закревский проникся моей историей и
несколько благоволил к нашей дружной паре.

Всё нам положенное по закону мы получали вовремя

и даже немного больше. Без всяких подколок и мелких неудобств, которые Макс, пользуясь своим положением, доставлял некоторым другим курсантам.

– Пошутить еще, первый сержант! – беззлобно хохотнул старший уорент-офицер. – Ну, рассказывайте!

И выжидательное уставился на нас.

– Макс, давай попозже! – улыбнулся Эрик. – Мы только с корабля и господину курсанту нужен отдых!

– Этому что ли? – заржал Закревский, кивая на меня. – Шутишь? Да он пышет здоровьем аж за версту, на этом курсанте прямо сейчас пахать можно!

– Согласен! – поддержал шутку начсклада Эрик. – Но, всё-таки, давай позже! Я к тебе зайду, и мы немного посидим? Окей?

– Окей! – вздохнул Закревский. – Но, надеюсь, ты придёшь не с пустым руками?

– Ах ты ж старый хрыч! – засмеялся Картер. – Конечно, как положено, как же «на сухую» разговаривать?

– Молодца, Картер! – похвалил его старший уорент-офицер. – Люблю тебя и твой подход! Ладно, что там у вас?

Я снял с пояса ножны и аккуратно передал их начсклада. Улыбка сошла с его лица, когда он увидел, ЧТО я ему передаю. Он сосредоточенно нахмурился.

– Можно? – он взялся второй рукой за рукоятку.

– Можно! – кивнул я, преодолев внутреннее сопротивление. Отдавать даже «на посмотреть» личное оружие счита-

лось плохим тоном, а к своему мечу я уже начал испытывать какую-то противоестественную привязанность.

Старший уорент-офицер аккуратно выдвинул клинок наполовину, взглянул на лезвие и присвистнул.

– Я же не ошибусь, если скажу, что этот клинок тебе достался от одного очень уважаемого человека? – приподнял бровь Макс.

– Да, это был меч инквизитора Хокуса! – подтвердил я. Скрыть что-либо от глаз ушлого «кладовщика» было невозможно, да и цели у меня такой не было. Даже наоборот.

– А инквизитор?.. – еще выше задрал седую бровь Закревский.

– Мёртв, – коротко ответил я.

– Ясно-понятно, – вздохнул старший уорент-офицер и также аккуратно вставил обратно клинок в ножны, до щелчка. – Жаль! Хороший был мужик!.. Хоть и инквизитор!

Последние слова он произнес с уважением, но не удержался.

– А что с ним случилось?

– Позже, Макс! Позже! – напомнил Тень.

– А! Ну да! – он почесал скулу. – То есть это вы сдаете?

– Да, и у нас одна просьба! – понизил голос Картер.

– Слушаю?

– Не нужно его через «анализатор» пропускать! – также тихо попросил Эрик.

«Анализатором» назывался прибор, позволяющий опре-

делить эманации Энергии Подпространства на предметах. Во избежание, так сказать, случайного ущерба. Взгляд начсклада невольно упал на мутный белый камень в гарде меча.

– Вот как? Ну... Тогда у тебя, Картер, должен быть для меня **ОЧЕНЬ** интересный рассказ!

– Он таким и будет, Макс, я тебя уверяю!

– Хорошо! – кивнул Закревский и вбил что-то на компьютере перед собой. – Жетон?

Я протянул требуемое, и он внёс нужную информацию.

– Всё, можете идти! – он кивнул. – Картер, жду тебя в восемь сегодня! И не опаздывай!

– Да, старший уорент-офицер четвертого класса! – улыбнулся Эрик.

– Идите уже! – махнул Закревский, и мгновенно переключился на какие-то свои дела.

Мы повернулись и вышли из склада. Я задрал голову к жаркому полуденному солнцу и счастливо прищурился.

– Может сгоняем на пруд? – спросил я у Эрика. – Я бы искупался.

Да, на территории Академии было два крытых бассейна, но всё-таки старый пруд, окружённый разлапистыми ивами, также привезенными в своё время с Земли, был гораздо более красивым местом. Да и появляться на травке было тем еще удовольствием!

– Составить компанию? – раздался знакомый женский голос сзади. – У меня и купальник новый есть!

Я обернулся и, невольно нахмурился.

Я уже говорил, что место в Академии было бесценным. Так вот, иногда, ко времени поступления у Линии была квота, но не было Одарённого. А иногда, у Линии был Одарённый. Точнее, «была». И деньги у Линии тоже были. Так что продавать место не было желания. Так в военной Академии появились девочки-курсанты. Их было немного, порядка десяти процентов от мужчин-курсантов, но они всё-таки были.

На моём курсе из восьмидесяти семи Одарённых, дошедших до двенадцатого года обучения, было девять девушек. И одна из них стояла сейчас прямо передо мной, скрестив руки на груди и мило улыбаясь.

За ней в зеркальной позе стоял её Тень – старший сержант Ганс Шнайдер, габаритами не уступающий Эрику, но отличавшийся наличием короткого блондинистого «ёжика» на голове.

Инесса фон Таубе из Линии Аренберг. Очень красивая, но **ОЧЕНЬ** странная девушка... Просто так она ничего не делает. Вот что ей сейчас от меня нужно?

Глава 2

Солнце стояло почти в зените, его голубые лучи окрашивали зелёную листву в очень красивый цвет, а местная трава и так была голубого оттенка. Поэтому на фоне голубого неба и голубой воды в пруду красный купальник выглядел несколько вызывающе.

Да и купальник был, я вам скажу, интересный. Я привык к закрытым купальникам синего цвета, в которых наши немногочисленные девушки сдавали нормативы по плаванию, не сильно выделяясь на фоне наших, синих же, шорт-плавков.

А вот этот купальник на девушке мало того, что был красного цвета, так еще и раздельный. Я подозреваю, зная Инессу, что стоил он до Хаоса много денег, но вот за что эти деньги были взяты – я не представлял. Этот купальник был раздельный настолько, что казалось, он в любой момент распадётся на кусочки, из которых он сделан, и осыплется на землю. Тоненькие веревочки, соединяющие три треугольника ткани – два на грудях и один между ног, не выглядели прочными.

Эрик странно хрюкнул, когда девушка сбросила форменный комбинезон, оставшись... да практически ни в чём. Тень Инессы хрюкнул в унисон, но немного с другой интонацией – он смотрел на Эрика ОЧЕНЬ неодобрительно и даже

покачал головой, негодуя. На что Картер, видя, что девушка стоит к нам спиной и не видит, показал Гансу большой палец и хитро улыбнулся. Тень фрау Таубе побагровел и подался было вперед, но посмотрел на меня и передумал.

Я показал Эрику кулак, на что тот развел руками и подмигнул уже мне. Я, невольно, улыбнулся. Ведь понимал, и где-то даже разделял, его эмоции. Тут действительно было на что посмотреть.

Инесса была натуральной платиновой блондинкой. По уставу, волосы не могли быть длиннее плеч, но она воспользовалась этим допущением полностью. Собранная в высокий хвост, светлая грива волос едва касалась плеч, с которых началось «путешествие» моих глаз по вполне уже сложившемуся телу.

Выскользнув из комбинезона с грацией кошки, она обернулась на секунду, мило улыбнулась, спустила руками волосы и двинулась к воде.

Она была очень хороша собой. Двигалась бесшумно и плавно, и все в ней – незаметная быстрота движений, рост, голос, серовато-голубые глаза и белокурый цвет волос было под стать друг другу.

Я нахмурился, отгоняя наваждение, когда она с лёгким плеском ушла под воду. У нее был ясный ум и тяжелый характер. И острый язык. Это сочетание не позволяло сближаться с ней кому-либо из курсантов, хотя желающих было предостаточно. Уважаемая Линия и природная красота де-

лала её завидной подругой.

Мы не были монахами и нам официально не запрещались сексуальные отношения между курсантами, однако, по факту, этого запрета и не было нужно. Учитывая высокородное происхождение, большинство девушек если где-то и сбрасывали своё сексуальное напряжение, то это были явно не казармы Академии, а партнерами – не курсанты.

Мужская же часть населения не испытывала с сексуальной разгрузкой вообще никаких проблем. Если ты не накосячил – тебе предоставлялось раз в неделю увольнение. А уж в городе от желающих составить нам компанию не было отбоя.

Не нужно было даже заглядывать в публичные дома, которых в столице было в достатке – форма курсанта являлась своеобразной красной тряпкой для женского пола, при виде которой они теряли разум. И дело было не в нашей привлекательности, хотя выглядели мы, по сравнению с обычными простолюдинами откровенно хорошо! Всему заслугой – наши гены, идеальное здоровье и постоянная физическая нагрузка. И наши сперматозоиды.

Некоторые девушки, вообще, были «профессиональными охотницами». Как правило, это были девушки из низов, привлекательные внешне, с определенной целью в голове и смутным пониманием о теории вероятности. Их устраивал тот незначительный шанс появления Одарённого, от той единственной встречи, которую они могли организовать.

У курсантов-мужчин из Линий в кармане всегда были

«марки» – специальные жетоны с гербом Линий, которые они оставляли своим подругам «на одну ночь». Происходило название от «Направлений на вязку», или сокращенно «марка», выдаваемая хозяином кобеля хозяину суки после проведения спаривания. Да, тоже «наследство» первоначальных сложных отношений Одарённых с простыми людьми.

В случае, если чудо случалось и рождался Одарённый – по этой «марке» счастливая мать всегда могла обратиться в Линию, отдать ребенка на воспитание и обеспечить себе безбедную жизнь до самой смерти.

Так вот, возвращаясь к отношениям между курсантами – пары образовывались чрезвычайно редко, а случайный «перепихон для здоровья» если и случался, то рано или поздно становился достоянием общественности, ударяя по репутации, в основном, женской части курсантов.

У меня, по понятным причинам, секса с курсантками не было, отчасти из-за моего нежелания искать на задницу неприятностей, отчасти из-за моего происхождения. И дело было не в отсутствии у меня Линии, как таковой. Нет, дело было в отсутствии у меня, в связи с этим, нужных связей.

Попавшие в Академию девушки точно не собирались в ближайшее время заводить семьи и рожать детишек – здесь собрались потенциальные хищницы и карьеристки, которые в дальнейшем правдами и неправдами будут прогрызать себе путь наверх. А вот для этого – нужны связи. И если по каким-то причинам внутреннего влияния их родной Линии

было недостаточно, что плохого в том, чтобы получить это влияние через своего друга-курсанта?

Инесса фон Таубе не была замечена в какой-либо связи с курсантами. По крайней мере, мне об этом не было известно. Зато мне было известно о желании, как минимум, половины моего курса – это дело исправить. Но, повторяю, по моим сведениям – это так и оставалось желанием.

Уверенными гребками Инесса быстро удалилась от берега. А я сидел и смотрел на пруд, даже не раздеваясь, не понимая зачем я вообще позволил ей составить себе компанию. Тем более, что после моего согласия, всю дорогу до пруда мы проделали практически в полном молчании.

Я злился, что позволил себя в это втянуть, ведь мое главное жизненное кредо в Академии – держаться от других курсантов, а тем более от курсанток, по возможности, подальше. Ну, кроме двух-тех проверенных приятелей. Наверное, недавние события заставили несколько подзабыть реалии местной мирной жизни, с её правилами и проявлениями. Ведь, после схватки с Демоном бояться милой девушки было, по меньшей мере, странно.

Однако, размышляя сейчас, я постепенно вспомнил, что это самое «кредо» я придумал себе не просто так. С Демоном всё ясно и понятно – или ты его, или он тебя. А местные подковёрные интриги могли продолжаться очень долго и закончиться очень непредсказуемо. А учитывая моё отличие от остальных – скорее всего и не очень хорошо. Для меня.

Я сидел, так и не думая раздеваться. Желание купаться пропало напрочь. На смену ему возникло желание побыстрее отсюда свалить, но это уже было невежливо. Я сорвал травинку, очистил её от листочков и засунул в рот, ощущая кисловаты привкус выделившегося из стебля растительного сока. Жмурился на солнце и постарался изобразить скучающий беззаботный вид.

Инесса сделала несколько кругов, пару раз нырнула, надолго задержав дыхание и, наконец, подплыла обратно к нашему берегу.

Сначала из воды показалась аккуратная упругая грудь, ткани купальника хватило только на то, чтобы с горем пополам прикрыть соски. Затем плоский накаченный живот и крепкие аппетитные бёдра, с которых, из-за женской конституции, было практически невозможно выгнать весь тот самый подкожный жирок, добавлявший этим женским округлостям такую привлекательность.

Длинные ноги довершили привлекательный образ русалки из, совсем недетских, сказок. Инесса подошла к сидящему мне, наклонила голову набок, отжимая руками мокрые волосы и глядя на меня сверху вниз. Я лежал, облокотившись на локоть, жевал травинку и бесстыдно её разглядывал. С моего ракурса вид открывался шикарный.

– Ну, разрешаю тебе подрочить, Ноунейм! – мило улыбнулась девушка, глядя на меня лукавым взглядом. – Я даже Тень могу отправить прочь, если ты стесняешься!

Я перекинул травинку в другой уголок рта и продолжал молчать.

– Ты чего купаться не пошёл? Боишься, что тебя стояк скомпрометирует? Размер маловат, и ты стесняешься? – она наклонилась, чтобы взять из сумки полотенце. Причем сделала это так, что я в подробностях разглядел шикарные ягодицы с узенькой полоской ткани от купальника между ними.

Достав полотенце, она начала вытирать волосы, не отводя от меня взгляд.

– Ну же, курсант! Ты же, насколько я знаю, прямиком из линейной гвардейской части. А там, если мне не изменяет память, девушек нет. На ладонях как, волосы не выросли?

Мне это немного надоело, и я выплюнул травинку.

– Фон Таубе! Чего тебе от меня нужно?

– Мне? – сделала круглые глаза девушка. – Я-то наивная, думала, что это тебе от меня что-то нужно!

– Например? – лениво поинтересовался я.

– Например, передернуть втихую на берегу, пока я купаюсь! – засмеялась Инесса.

Шуточки с сексуальным подтекстом были обычным делом среди будущих профессиональных имперских офицеров, невзирая на пол и знатное происхождение. Всё-таки это по сути своей военная казарма, а не пансионат благородных девиц. Но, что-то Инесса сегодня переигрывает. Похоже, она нервничает и таким образом пытается успокоиться, передав свою нервозность мне. Получалось не очень.

– У меня, в отличие от тебя, нет информации, откуда пришла ты, но или у тебя там был жуткий недотрах, либо тебе эта клоунада для чего-то очень нужна! – я сорвал еще одну травинку и сосредоточенно начал очищать её от листочков. – Давай уже, переходи к делу или я пойду в казарму.

Я поднял на неё глаза и улыбнулся.

– Мне же еще в душе передернуть нужно, пока твой светлый образ не испарился у меня из памяти!

Она прищурилась и оглянулась. Две наши Тени сидели неподалёку, изо всех сил изображая незаинтересованность в нашем разговоре и старательно смотря вдаль.

– Ганс! Пойди прогуляйся! И захвати... этого, как его! – она скривилась. А ведь она прекрасно знала имя моей Тени. Наши Тени с нами уже пять лет, и мы проводим столько времени вместе, что невольно выучили их имена.

Ну ладно. Не буду усугублять.

– Эрик! Составь Фрицу компанию!

– Я Ганс! – огрызнулся здоровяк.

– Какая, к Хаосу, разница! – отмахнулся я, изображая «здоровое пренебрежение» Одарённого.

Эрик хмыкнул, и они с Гансом отошли вдаль, за пределы слышимости.

– Ну, – посмотрел я на девушку. – Если ты придумала эту неловкую ситуацию, чтобы остаться со мной наедине и заняться сексом, то я не против! Только, чур я сверху! Не люблю я этих ваших, феминистичных штук!

– В следующей жизни! – оскалилась Инесса. – Да что ты себе позволяешь, безродный?

– Вот как? Безродный? – это оскорбительное прозвище давно вызывало у меня исключительно злую улыбку. Но сейчас это было благовидным поводом, чтобы свалить. – А не пошла бы ты... к Хаосу, неуважаемая?

Я сделал вид, что пытаюсь встать и уйти.

– Подожди! – она схватила меня за предплечье, удерживая. Я скосил неодобрительный взгляд на её ладонь, и она тут же отдернула руку.

– Мне нужно с тобой поговорить... Антон?

– Ну ничего себе! – притворно удивился я. – Уже Антон? Не безродный?

– Извини, я погорячилась! Ты вёл себя несколько... вызывающе, – по её глазам было видно, что вряд ли она извиняется искренне, поэтому я не удержался.

– Можно подумать, ты вела себя... пристойно!

Она покраснела от злости, но, к её чести, сдержалась, и просто сделала три глубоких вдоха-выдоха. После чего присела рядом на траву, на достаточное расстояние, чтобы не считать его интимным.

– Что произошло на Фаиде?

– А вы с какой целью интересуетесь? – уточнил я, хотя прекрасно знал ответ на свой вопрос.

Инесса опять вздохнула, пытаясь обуздать рвущееся наружу раздражение.

– Ты же знаешь, что барон Фридрих фон Шагер Аренберг был моим дальним родственником?

– Не знаю, но догадаться нетрудно, учитывая вашу общую Линию! И?

Она раздраженно задергала бретельку на плече. Ну же! Сильнее! У тебя получится!

– И дело в том, что барон очень хорошо о тебе отзывался!

– Тоже владеешь информацией? – продолжал мило улыбаться я. – Повторяю вопрос. И?

Она немигающее уставилась на меня. Серые глаза прищурены. Щёки покраснелись от гнева. Мокрые пряди спадают на тонкую шею. Хаос меня подери, а она реальная красotka!

– Скажем так! В полку оставался информатор и после смерти барона. И он выжил! И нам известно всё, что произошло на планете!

– И что произошло на планете? – улыбаться мне уже не хотелось. У меня в голове крутилось несколько вопросов. Кто стукач? Что им известно? Чем мне это грозит?

А вот теперь опять улыбнулась Инна, видимо ощутив мою тревогу. Гребанная эмпатия Одарённых!

– То есть ты готов с нами сотрудничать?

– Сотрудничать? – поднял я бровь, как бы удивляясь.

Она приблизилась ближе и вдохновенно начала вещать.

– Антон, у нас очень богатая и влиятельная Линия. Патриархи могут замолвить словечко перед распределением. Да и вообще, учитывая нынешнее положение с Эссенсем тебе не

помешали бы влиятельные покровители! Да и, в конце концов, мы можем тебе заплатить за информацию, ведь... в твоём положении это лучший выход?

– И что конкретно вы хотите узнать? – поддержал я игру.

Инесса не сдержала презрительной улыбки, предполагая, что я купился.

– Нам нужен подробный доклад по произошедшим там событиям с хронометражем, описанием мест выброса Хаоса, возможных мест его появления на планете в дальнейшем. А еще мы слышали о двух одарённых детях, которые улетели с вами, после окончания боевых действий. Они нам тоже нужны. Мы хорошо за них заплатим.

И она откинулась назад, победоносно улыбаясь и ожидая моего положительного ответа.

Нет, к Хаосу эти игры! Только не Кевин и Катрин! Я резко встал на ноги. Под «нами», использованными в речи Инны, подразумевалась явно Линия Аренберг. Нет, я не глупец и понимаю, что каждая Линия пытается вести свою игру, усиливаясь сама и ослабляя других. В основном – другие Линии. Но, если появляется шанс ослабить Империю и при этом самим не подставиться, то это даже интересней! Но, дети!!!

– До свиданья, фон Таубе!

– Подожди! – она мгновенно оказалась на ногах и снова схватила меня за плечо.

– Что. Тебе. Нужно, – проговорил я, выделяя паузой каждое слово.

Во мне разлилась подзабытая кровавая ярость. Да что эта сучка себе позволяет! Как смеет она хватать без спроса МЕНЯ?! Я посмотрел на неё, и мои губы растянулись в несвойственном мне злобном оскале. Да, эта девка хороша собой, этого не отнять! Её высокая, практически обнаженная грудь сейчас часто вздымалась из-за волнения хозяйки. Наверное, она достойна стать моей игрушкой. Ненадолго... Я почувствовал, как облизываю языком губы в предвкушении горячего секса. Очень грубого секса. Такого, чтобы эта сучка...

Я увидел расширяющиеся в страхе, и так большие, глаза. Инесса, отпустила моё плечо, сделала шаг назад, другой... И беспомощно постаралась прикрыть свою красивую грудь от моего горящего взгляда небольшими ладошками.

Чёрт! Что я творю?! Пузырь!!!

Легкий хлопок и у меня тут же заложило уши, как после перепада давления на высоте. Я глубоко вздохнул. Раз. Еще раз. И еще раз. С пальца у меня сорвалась капля и упала на траву. Как в тумане, я поднял ладонь к лицу. Я так сильно сжал кулаки, что умудрился проткнуть кожу ладони коротко остриженными ногтями.

Не глядя на всё еще не пришедшую в себя девушку, я быстро подобрал свой баул, закинул на плечо и, не оборачиваясь, пошагал в сторону казарм. Краем глаза я заметил, как две Тени метнулись в нашу сторону. Эрик схватил свой рюкзак и трусцой бросился за мной, догоняя. А Ганс подошел к своей Одарённой и что-то пытался у неё выяснить.

– Антон! – Картер догнал меня и сейчас шёл рядом. – Что произошло между вами? Мне нужно волноваться?

– Ничего особенного, Эрик! – покачал я головой на ходу. – Просто небольшой воспитательный момент! Эти Одарённые слишком много о себе возомнили!

– Тоха! Дружище! – голос Эрика звучал обеспокоенное. – Какие, к Хаосу «Эти»?! Ты и сам Одарённый! Такой же, как и они!

– Да неужели? – я остановился и развернулся к нему, взглянув в глаза.

Я указал в сторону полуголой девушки и здорового мужика, пытавшегося неловко обернуть её в полотенце.

– Этим Одарённым плевать! Плевать на меня, плевать на тебя! Плевать на Империю и Императора! Их главная цель – получить преимущество! Преимущество перед соперником, чтобы сожрать его с потрохами! А потом что? Успокоиться? Нет! Сожрать следующего, получив предварительно преимущество перед ним! Как я это ненавижу! Эту бесконечные крысиные бега, которые только ослабляют Империю!

Я тяжело дышал, сжимая и разжимая кулаки. Сейчас мной овладела моя собственная ярость. Просто эти нелепые попытки «играть в большую политику маленькими фигурками», которые всё время моего пребывания в Академии принимали эти самодовольные снобы, подсмотрев пару приёмчиков у своих старших родственников по Линии – всегда выводили меня из себя!

– Антон! Успокойся! – попытался повлиять на меня друг. – Что ты можешь с этим поделать? Ничего!

– Ничего? – зло прищурился я. – А вот хрена лысого! Прости мой лысый друг...

Я невольно улыбнулся и продолжил.

– Мне нужны люди... Мне нужны ресурсы... Мне нужна моя... Линия...

Глава 3

Я лежал на койке, задрав ноги на спинку, и размышлял. О жизни, правилах игры и своём возможном будущем. Информация для планирования у меня была очень ограниченной, но общее мироустройство я себе представлял.

Если кратко, то процесс получения полноценного Одарённого выглядел примерно так.

Рождался ребенок. Начиная с возраста четырёх лет, через ритуал Выявления можно было попытаться определить наличие у него Дара. Однако, Выявление могло ничего не показать. Пять лет. Это был возраст стопроцентного порога вероятности. Если в пять лет Дар не обнаружен, то его у ребенка нет.

Выявление проводил Инквизитор. Как правило, из Ордена Надзора. Я не знаю, могут ли этот ритуал провести обычные Одарённые. Дань ли это традиции, или необходимость. Однако всё происходило именно так, а не иначе. «Монополия» на Выявления была у Императора и его Инквизиции.

Итак, Инквизитор выявлял Одарённого и ставил его на учёт. С этого момента Линия обязывалась отсчитываться за все его дальнейшие действия перед Инквизицией. Каждый Одарённый был под присмотром Ордена Надзора. По очевидным причинам.

Дальше у Линии вставал вопрос с дальнейшим обучением

Одарённого. Обычно, воспитание Одарённых происходило в самих Линиях. Как раз в этих самых родовых Крепостях. Крепости известных и могущественных Линий мало чем отличались от Императорских учебных заведений, ну, точнее, от большинства из них.

Но вот тут возникали нюансы. Лучшие учебные заведения принадлежали Империи. Школы, Институты, Университеты и Академии Империи давали самые лучшие знания. Просто из-за того, что лучшие Одарённые были именно у Империи. Это, кроме множества специалистов и ветеранов, которые преподавали воинское дело и обычные науки. Но, поступая туда, Одарённый должен был отдать часть своей жизни службе Империи. Иногда, всю жизнь. Без остатка.

Крупные и влиятельные Линии обучали своих Одарённых самостоятельно. Мелкие – отдавали в учебные заведения союзников либо имперские. Не всё было во власти Линий. На Одарённых с определённым Даром была своеобразная «разнарядка» со стороны Империи. Своего рода «дань», от которой никак нельзя было увильнуть. Можно было, иногда, откупиться, но были такие специалисты, которых «отдавали» Империи без вариантов. В основном страдали «боевые» Линии, так как войны в Империи не прекращались ни на мгновение. К примеру, Линия Аренбергов с их Деформацией Пространства стабильно поставляла рекрутов в Империю.

Что уж говорить о «физиках», из которых формировались имперские элитные спецподразделения!

С «внутреннем» обучением в Линиях было всё ясно и понятно. Выращивались преданные Патриархам бойцы, готовые на всё ради процветания Линии.

С имперскими заведениями было всё сложнее.

Казалось бы, маленького Одарённого отдадут в Академию на полный пансион в пять лет, еще практически ребенка, с которого можно вылепить полностью преданного сына (или дочь) Империи и Императора. Но был один нюанс, точнее, пережиток прошлого. И Линии, которые вбили себе эту привилегию, крепко за неё держались двумя руками.

Каникулы. Летние – два месяца и зимние – две недели. В это время Академия пустела. Все Одарённые разъезжались по родовым Крепостям, где им усиленно вбивали преданность своей Линии в общем и Патриархам, в частности. Из курсантов оставался только я. Ну и Эрик – куда ж он без меня? Больше «сирот» в Академии не было.

Вроде, два с половиной месяца из двенадцати – не большой срок, но «воспитание молодых умов» в Линиях было поставлено исключительно эффективно. И это понятно, ведь молодые Одарённые – это потенциал Линии, её будущее могущество. И от их воспитания и дальнейшего поведения напрямую зависел статус и благополучие самой Линии.

За эти два с половиной месяца мозг курсанта Патриархи, образно выражаясь, вытаскивали, прополаскивали от имперской пропаганды и заполняли пропагандой внутренней. И так до следующих каникул. Получалось у всех по-разному.

Я окинул комнату взглядом. Две кровати, два шкафа, две тумбочки и небольшое окно. Стены выкрашены в белый цвет, всё сияет чистотой и порядком. Учитывая плотное расписание занятий, тут я только спал.

Если сразу по поступлению курсанты жили в общих казармах, то со временем их место жительства менялось. До двенадцати лет мы жили в общей казарме. Это могло бы напоминать летний лагерь, про который рассказывали знатные Одарённые, которые, в свою очередь слышали о них от старших родственников.

Затем, нас распределяли в комнаты по четыре человека, а вот после шестнадцати – распределили по двухместным. Учитывая, что до двенадцатого года обучения дошло нечетное количество народа, а еще – мой нелюдимый характер, то мне досталась в полное распоряжение целая отдельная комната.

В дверь которой сейчас постучали. И это был не деликатное постукивание от моей Тени, которое я выучил за много лет. Кстати, Тени жили отдельно, как раз в большой казарме на сто человек, разбившись согласно курсам своих Одарённых.

– Ноунейм! Открывай! Здраваться будем!

Я, невольно, улыбнулся. Голос принадлежал одному из немногих моих приятелей – Павлу Смирнову.

– Открыто! – крикнул я, не вставая.

Дверь распахнулась и в комнату ввалилось два моих быв-

ших соседа по четырёхместному размещению.

Павел Смирнов-Воронцов был невысоким крепышом с чисто славянской внешностью. Каштановые короткие волосы отросли чуть больше положенного, карие глаза искрились весельем. Лицо мягкое, с широкими скулами, практически идеально круглое. Короткий курносый нос довершал общий образ. Вообще, он производил впечатление очень добродушного малого, вызывая симпатию с первого взгляда.

Ровно до того момента, как ты узнаешь его получше. Пашка очень любил власть. Любой Одарённый рождался с пренебрежением к простолюдинам и пониманием собственной значимости, но у Пашки всё это было возведено в квадрат, а может даже в куб. Ему нужно было контролировать всё и вся, навязывать своё мнение первому встречному и тут же пытаться «прогнуть» его под себя. Потенциальный «энергетик» с ментальным уклоном он, как и многие его сородичи, вряд ли будет воевать в первых линиях. А вот попасть в Инквизицию у него был достаточно высокий шанс – многих Воронцовых забирали в эту организацию «Во славу Императора!».

Отсюда и некая «элитность в элитности», ведь служить в Инквизиции – это приподняться над Одарёнными. Хотя образ инквизитора и являлся «чистым и непорочным», но человеческий фактор оставался всегда и слова «высокомерный», и «инквизитор» являлись, фактически, синонимами. Хокус был, скорее, исключением из правил.

Беда Пашки была в том, что кроме него самого никто из курсантов не проникся его «исключительностью», и с самого детства его попытки навязать всем своё мнение игнорировались, а иногда и пресекались. Физически. Кулаком в нос. Но «будущий инквизитор» не унывал, а продолжал нести свое исключительно верное и полезное мнение в массы, отряхиваясь после каждой трёпки и обещая обидчикам всяческие кары в будущем. Хотя, некоторым ребятам он пришёлся по душе.

Одним из таких был Тадаси Накамура из Линии Минамото. Небольшая, но очень гордая Линия, образованная выходцами из древнего земного государства Японии, не отличалась богатством или влиянием. Зато отличалась прекрасными воинами-«физиками». Количество они компенсировали качеством, и их многочисленные боевые заслуги не могли пройти мимо взора Императора и его многочисленных советников.

Из-за своей малой численности, Линия не могла похвастаться армией Одарённых, кроме этого, по каким-то своим внутренним соображениям, это была одна из немногих Линий, всецело преданной Императору и Империи. Так что после Выявления Тадаси выбор перед Линией даже не стоял. Слава Императору есть квота, и поэтому Линия Минамото сможет послужить Империи еще лучше!

Высокий, как для своих азиатских кровей, черноволосый Тадаси был самым спокойным человеком из всех, кого я

встречал в своей короткой жизни. Лет в семь он взял своеобразное шефство над Пашкой, когда того в очередной раз поколотила группа курсантов, не принявшая его теорию об исключительности Линии Воронцовых в целом, и его представителя, в частности.

Так у Павла появилась «подписка» и он оборзел еще больше. Хотя, с возрастом, его попытки самоутвердиться вызвали уже не раздражение, а улыбку. Ко мне он подошёл к одному из первых, еще в юном возрасте, пытаясь объяснить, что сможет обеспечить мне достаточное покровительство при условии его полной поддержки.

Как-то так получилось, что от меня он ни разу не получал в нос, ведь при всей его настойчивости, он в качестве оружия использовал «слово», а не «дело», чем отличался от подавляющего большинства других Одарённых курсантов. И мне хватало стычек с более борзыми и менее умными, чтобы выплескивать своё недовольство еще и на Пашку.

Более того, со временем я даже к нему привык. Выслушивать его далеко идущие планы по прекрасному карьерному будущему инквизитора Ордена Войны Павла Смирнова-Воронцова было забавно. Ну и что, что для Ордена Войны его потенциальный Дар не подходил – всегда есть возможность сменить Сущность, либо развиться в боевого ментата, силой мысли взрывающего головы у богопротивных Демонов!

В общем, четыре года мы жили вместе в одной комнате и жили, нужно сказать, вполне дружно.

– Пожри тебя Хаос, Ноунейм! Встань при появлении будущей гордости Инквизиции! Великого и Ужасного Брата Павлуса! – с порога заорал Смирнов, зафигачив ногой по железной спинке кровати.

– Пашка, не бузи! – я даже и не подумал подняться.

– Эх, никакого уважения к Святой Инквизиции! – сокрушенно покачал головой товарищ, но подошёл и протянул руку для приветствия.

Я уселся, приподнял задницу и пожал руку. А вот подошедшего Тадаси я с удовольствием приобнял. К японцу я испытывал тёплые чувства из-за его жизненной позиции. Нет, Пашка мне тоже нравился, но японец был каким-то «цельным»?

Кроме этого, на всех Каникулах, Линия Минамото не опускалась до изменения идеологии своего питомца. Они просто учили его драться, используя весь тысячелетний опыт Линии. Перенимая опыт от великолепных инструкторов ближнего боя в Академии, знания Линии, вдобавок, сделали из Накамура великолепного бойца, который вкупе со своим Даром наверняка станет страшным противником для любого врага.

Именно на почве любви к хорошей драке мы и сошлись. Каждый раз после прибытия японца с каникул, мы запирались в спортзале, и я не отпускал Тадаси до тех пор, пока не вытягивал из него всё выученное до последней капли. Да, честно говоря, он и не был против.

Японец был вторым человеком в Академии, который мог противостоять мне не ринге и вне его. После Семёна Ржевского. Как правило, «физики», учитывая свою специфику, изначально делали упор на физическую подготовку. При том, что воспитание курсантов не отличалось никак, «энергетики» предпочитали тратить своё немногочисленное свободное время на что-то более приятное чем спортзал и бесконечные спарринги.

Я же, не имея ни малейшего представления о природе своего Дара, принял единственное, по моему мнению правильное решение. Я постарался быть лучшим во всех дисциплинах одновременно. Хотя в сутках было всего двадцать четыре часа, я исповедовал теорию нашего преподавателя по стрельбе капитана Веласкеса – «На том свете отоспитесь... Господа».

Видя мои успехи, все пророчили мне Дар «физика». Я знаю, существовал даже подпольный тотализатор на «Дар Ноунейма», в котором скучающие курсанты делали свои ставки. Насколько мне известно, вероятность получения «физика» там была сильно выше.

– Ах вот значит как? – обиделся Пашка. – Брезгуешь обнять Инквизитора? Или боишься?

Я улыбнулся еще шире. Всё-таки Павел, при всей своей «доставучести» иногда изрядно веселил.

– Иди к папочке! – Смирнов был ниже меня почти на голову, поэтому я обхватил его туловище, приподнял и через

бедро метнул на свободную кровать.

Кровать, на удивление, выдержала.

– Хаос тебя подери, Ноунием! – Пашка с кряхтением поднялся с кровати. – Дурак ты! И шутки у тебя дурацкие!

– Ты же сам хотел обняться! – развел руками я в притворном недоумении. – Именно так обнимаются настоящие мужчины! А не всякие... «энергетики» пропускающие физподготовку под любым надуманным предлогом!

Сбоку одобрительно хмыкнул Тадаси.

– Ничему тебя жизнь не учит, Антон! – сокрушенно покачал головой Пашка. – Мозги нужно качать, а не мышцы! В них настоящая сила, презренный!

– Обнимемся еще раз? – с улыбкой предложил я.

– Да ну тебя! – отмахнулся Смирнов, вызвав еще одно «хмыканье» со стороны Накамура. – Пойдём лучше пожрём чего-нибудь!

– Пойдем! – кивнул я, по привычке разравнивая складки на постели, чтобы она выглядела как монолитная белая плита. – Вы откуда узнали, что я прибыл?

– Ну так Миша доложил! Он Эрика встретил! – охотно пояснил Павел.

Михаил Кожедуб был Тенью Павла, они нашли общий язык с Эриком и поддерживали вполне приятельские отношения, насколько это было возможно. Тень, являясь «тенью» своего Одарённого и в отношениях за пределами пары стремилась к подражанию.

Учитывая резкий характер Одарённых, отношения внутри Академии среди курсантов менялись, иногда, с космической скоростью. Поэтому Тени старались относиться друг к другу с вежливым безразличием, не заводя никаких приятельских отношений.

Однако, они всё же оставались людьми и всё человеческое не было им чуждо. Учитывая мои приятельские отношения с ребятами, наши Тени если и не дружили, то точно относились друг к другу с должным уважением.

– А вы когда вернулись?

Мы вышли из полупустой казармы и направились к общей столовой, которая находилась ровно в пяти километрах. Это расстояние было чётко рассчитано для пробежки курсантов перед завтраком.

– Я уже две недели тут кукую! – охотно поделился со мной Пашка. – А Тадаси – неделю назад прибыл!

– Как практика? – усмехнулся я.

– Очень круто! – воодушевился Пашка.

– В Инквизиции, надеюсь, проходил? С Орденом Войны демонов гоняли? – подколот я приятеля.

– Очень смешно! Три раза «ха»! – скривился Смирнов. – Всё немного не так феерично, но было очень интересно!

– В снабжении он штаны протирал. Тыловая крыса! – впервые с момента нашей встречи подал голос Тадаси, сдержанно усмехаясь.

– Да ладно! – восхитился я. – Ты героически списывал

дырявые носки и превозмогал груды новых трусов? Во славу Империи и Императора?

– Идите вы к Хаосу! – обиделся Пашка. – Инквизиции на вас нет! Еретики чёртовы...

И он, что случилось очень редко, ненадолго заткнулся чуть приотстав и бурча что-то нехорошее в наш адрес.

– Ну а ты, приятель, чем занимался? – спросил я у японца.

– Да так, – небрежно отмахнулся он. – С «Псами» немножко познакомился...

– Да ладно!!! – я остановился как вкопанный. – Как ты туда, вообще, попал?

Накамура остановился и хитро посмотрел на меня, довольный произведенным впечатлением.

«Псы Императора». Спецподразделение. Практически полностью сформированное из Одарённых, оно выполняло широкий спектр задач по личному приказу самых близких советников Императора. Таких спецподразделений существовало очень немного, их названия каждый Одарённый знал с детства наизусть. На историях об их подвигах выросли все мы.

Если космодесант являлся мечтой каждого солдата-простолудина, не мыслящего своего существования без войны, то спецподразделения Одарённых были такой же мечтой для Одарённых.

– Да у него родственник там заместитель командира, ты что не помнишь? – подошёл всезнающий Смирнов. – Кто ты

думаешь, место в Академии выбил для этого дуболома?

«Дуболом» прищурился еще больше и посмотрел на Пашку.

– Шутка юмора! – хмыкнул тот.

– И как... они? – я повернулся к Накмуру.

Тот пожал плечами.

– Крутые!

– Пожри тебя Хаос, Тадаси! – раззадорился я. – А поподробней?

– Он не скажет! – опять влез Пашка. – Я уже пытался. Совершенно секретно и вот это вот всё!

– Не расскажешь? – я всё-таки сделал еще одну попытку.

– Извини, не могу! – покачал головой Накамуру.

– Ну ладно, – вздохнул я.

Мы двинулись дальше.

– Как обстановка, вообще? – я неопределенно взмахнул рукой.

– Батя отбыл на Землю, прибудет на днях. Пока сплошные непонятки, – хмыкнул всезнайка Пашка.

«Батей» мы называли начальника Академии. Вице-адмирал Владислав Волков был 77-м начальником Академии. Бывший «флотский» с безупречной репутацией, он нашёл себя в воспитании Одарённых после того, как чудом выжил после взрыва своего флагмана.

Прошедший множество сражений без единой царапины, он чуть не погиб в результате диверсии, устроенной на его

линкоре «Без Пощады», проходящем плановое техническое обслуживание на периферийной планете по прямому договору с Империей.

Линкор в результате взрыва уцелел, а вот большая часть экипажа – нет. Волкова вытащили из разрушенной ходовой рубки и с трудом откачали. Новое место службы, по слухам, он воспринял без особого восторга, но, как преданный воин Императора, принял с должным смирением. И, в итоге втянулся. Вот уже двадцать три года он занимает место начальника.

– Какие люди! И без охраны! – послышался еще один знакомый голос.

Дерек Нортон из Линии Кеннеди и пять его приятелей показались со стороны спортзала. Их лица были красные и распаренные после тренировки, а глаза горели радостным возбуждением. Я как будто вернулся в детство...

Глава 4

Дерек Нортон был первым курсантом, которому я набил морду. Мне было пять лет и ему было пять лет. Он перевернул мой поднос в столовой. Намеренно. И вся еда упала на пол. Нет, пол был чистым и я, скорее всего, поднял бы всё с пола и доел. Если бы сам всё уронил. Ведь еда – это жизнь. И в том возрасте мне её всегда не хватало.

Но поднос скинул со стола Дерек. И я разозлился. Очень разозлился. Я сбил его с ног и бил этим подносом до тех пор, пока меня не оттащила охрана. Дети – очень жестокие существа. Особенно если воспитываются в жестоком социуме, где их вольно или невольно морят голодом и применяют физические наказания.

Слишком быстрым было «переключение» моей жизни с убогих трущоб Адрианы на чистоту и порядок Калипсо. И если физический голод я, с горем пополам, утолил, то ожидание опасности и страх за будущее, прячущиеся в подсознании всё еще не давали мне спокойно жить.

Другое дело – Одарённые из Линий. С молоком кормилицы впитавшие превосходство над простолюдинами, жажду к власти и жестокость к соперникам. Казалось бы, что там может знать и понимать пятилетний ребенок? Поверьте, очень многое! Маленькие наглые зверьки с острыми зубами, отсутствием границ и огромным желанием быть первыми, при

чрезмерно раздутом самолюбии – вот какой контингент курсантов окружал меня в Академии.

И, конечно же любой выбивающийся из «стаи» выглядел как потенциальная жертва. А я очень сильно выбивался из «стаи». И некоторые почему-то решили, что из меня получится идеальная жертва. Как же они ошиблись!

Дерек затаил обиду. Будучи лидером от природы и выходцем из влиятельной Линии, он очень быстро оброс «друзьями-приятелями». Детки из Линий попроще тянулись к, на их взгляд, сильному лидеру, да и в «стае» нападать легче. И в следующий раз меня поджидали шестеро злых и жестоких детей. Я успел разбить носы двоим, почти откусил ухо третьему и поломал палец самому Дереку, до того, как меня повалили на пол и хорошенько отдубасили. Помню, я тогда потерял все передние зубы и чуть не потерял левый глаз. Хорошо, что зубы были молочными, а глаз через некоторое время пришёл в порядок. На мне всегда всё быстро заживает.

После этого инцидента, зализав раны, я начал отлавливать по одному и наказывать всех участников «стаи». Жестоко наказывать. Я побил одного, затем второго. Потом они опять всей толпой побили меня.

Я решил, что нужно выводить их из строя кардинально, чтобы они уже ничего не могли сделать и, таким образом, уменьшить их численность. Но когда я, следуя своему новому плану, чуть не забил до смерти Фабио Бонуччи, я первый раз повстречался с начальником Академии.

Как сейчас помню, вице-адмирала Волкова и его кабинет. Тогда я посетил его в первый, но далеко не последний раз. Этот огромный кабинет со странной мебелью. Из настоящего дерева. Мягкий диван, куда начальник предложил мне присесть и эти восхитительные шоколадные конфеты! А еще запахи. Запахи дерева, кожи и табака. И разговор тот я помню великолепно.

– Ну, здравствуй, Антон! – улыбнулся Владислав, забывая короткую трубку. – Рассказывай, как ты докатился до такой жизни?

Я же, как загипнотизированный уставился на стеклянную вазу на невысоком столике, стоявшем около дивана, на котором я сидел. И в вазе лежали ОНИ. Шоколадные конфеты. Я, правда тогда, не знал, что такое «шоколад» и смутно представлял, что такое «конфеты», но я полюбил их с первого взгляда.

Вице-адмирал наблюдал за мной краем глаза, раскуривая трубку. Когда он, наконец, удовлетворился полученным результатом, то выпустил табачный дым в воздух, очень по-доброму улыбнулся и добавил еще пару дымных «колечек».

– Угощайся! – махнул он рукой, в которой держал трубку, на такую притягательную для меня вазочку.

Я осторожно протянул руку, искоса наблюдая за ним, ожидая, что в любой момент последует окрик и морально готовясь к очередному унижению. Но, серые глаза смотрели с любопытством, но без намека на неприязнь. А улыбка не схо-

дила с, уже морщинистого, лица, окаймленного опрятной седоватой бородкой.

Графу Владиславу Волкову-Романовскому было сто двадцать четыре года. Происходил он из Линии Романовских. Причем, основным Даром этой Линии был Дар Воодушевления, который был бесполезен на огромных пространствах космоса. Он действовал на ограниченном пространстве, заставляя окружающих Одарённого людей действовать более эффективно. Если говорить проще, то окружающие резко «умнели». Солдаты воевали лучше, учёные размышляли быстрее и глубже, любой коллектив под командованием этих Одарённых был на порядок эффективней любого другого такого же.

Это было больше всего похоже на то, как будто все окружающие получали небольшую дозу Эссенса, разгонявшего мозг. Так, собственно, и было, только это была Энергия Подпространства в чистом виде. Обычно, Одарённые из этой линии находили себя в наземных войсках либо вообще в мирной жизни, где, как раз, этот Дар был очень востребован.

Владислав же получил свой Дар от матушки, которая была представительницей одной другой весьма бедной и малоизвестной Линии.

И Дар этот был Дар Предвидения. Очень редкий и очень полезный Дар. Особенно для флотоводца. Волков сделал стремительную карьеру, ведь он, будучи еще командиром боевого корабля, мог частично предугадывать действия про-

тивника и корректировать свои силы и средства для успешного противодействия. Он был одним из самых эффективных воинов Империи. Он быстро продвигался вверх, получив под командование сначала флотилию, а затем и целый флот. Операции, проведенные 215-м Имперским флотом, были всегда эффективны и смертоносны.

Однако, с возрастом, Дар стал «сбоить». Как раз таким «сбоем» была нераспознанная диверсия на его флагмане. Проблема была не в том, что Дар отказывался работать полностью, а в том, что он именно «сбоил» – показывал недостоверные события. Как опытный флотоводец, граф Волков вполне мог «вытащить» руководство на таланте, опыте и знаниях, но ошибки в планировании, вызванные неправильной работой Дара, могли привести к катастрофе.

Поэтому он и согласился возглавить Академию. Где его неутомимость и жажда деятельности могла сослужить хорошую службу Империи и Императору. «Точка невозврата» по возрасту у старого вояки еще не наступила, поэтому периодически он устраивал неприятные сюрпризы для своих подчиненных, давая неожиданные распоряжения для коррекции будущих событий, которые даже еще не наступили.

Я осторожно взял одну конфету и поднёс к носу. Втянул воздух и особо не впечатлялся, ведь я почувствовал лишь странный, но приятный запах, который становился всё сильнее в то время, как шоколад начал таять в моих горячих пальцах. Я быстро запихнул сладость в рот и сжал губами.

По телу прокатилась волна удовольствия. Это было невероятно вкусно! Это была самая вкусная вещь, которую я пробова́л в жизни! Я быстро проглотил, облизал коричневые пальцы, бросил взгляд на вазочку, а затем вопросительно посмотрел на начальника.

– Давай, не стесняйся!

И я перестал стесняться. Через полминуты вазочка была пуста, а я тщательно облизывал пальцы.

– Ну, ты даёшь!!! – искренне восхитился Волков, выпуская через губу дым вертикально вверх. – Еще хочешь?

Конечно же я хотел! Но...

– Нет, спасибо, – я постарался сказать это как можно более незаинтересованно. Так-то я понимал, что меня не конфеты кушать сюда пригласили, так что не хотел оттягивать неизбежное.

– Ты знаешь, зачем я тебя позвал, Антон?

– Да, – кивнул я. И вздохнул. Всё, сейчас кончится его притворное добродушие, и он начнет орать. Возможно, даже бить. Воспитатели в приюте всегда так делали. Кроме Марии Васильевны.

Но, к моему удивлению, он не стал орать. Наоборот, он очень живо поинтересовался моей прошлой жизнью, моими мечтами и чаяниями. И я, почему-то, честно всё рассказал этому улыбчивому пожилому мужчине с сетью морщинок в углах глаз, который понимающе кивал головой и изредка задавал наводящие вопросы.

Рассказывал я долго: о голодной жизни, проблемах с другими детьми и воспитателями, о вечном холоде, в том числе психологическом. Нет, я тогда не знал таких умных слов, просто ребенок в первый раз в жизни получил возможность высказать накопившиеся обиды человеку, который, как я интуитивно чувствовал, сможет мне помочь и защитить.

За это время секретарша Волкова успела два раза принести нам чай в интересных стеклянных стаканах в металлических подстаканниках. И еще одну вазочку конфет. Да, шоколадных, которые я тоже, конечно же, съел. А я всё рассказывал и рассказывал. Иногда, улыбка слетала с добрых глаз начальника и в них появлялась некая жёсткость и, даже, жестокость, но это было практически мимолётные и нестрашные мгновения.

Внезапно я ощутил себя сдутым воздушным шариком, которыми украшали приют на День Империи. Один из них улетел высоко под потолок и провисел там несколько дней, пока воздух из него вышел и он не упал на пол. Тогда мы знатно подрались за обладание такой ценной вещью!

Я полностью выговорился и впервые в жизни почувствовал облегчение. Протянул руку к вазочке, но тут же смущенно отдернул, вспомнив, что все конфеты я уже съел. По второму кругу.

Граф успел во время моего монолога несколько раз выкурить трубку и сейчас разглядывал ее, чтобы удостовериться что табак выгорел и в этот раз.

– То есть ты хочешь стать Императором? – усмехнулся Владислав, решив, что всё-таки докурил и вытряхивая трубку в стоящую рядом урну.

Я невольно сжался и тут же пожалел о сказанном, припомнив всё, что я наговорил. Ведь то, что я рассказал, приравнивалось к Ереси и теперь мне точно не поздоровится!

Однако, начальник Академии удивил меня еще раз.

– Во-первых, Антон! Запомни раз и навсегда! Никогда и никому не говори об этой мечте! Ни одному человеку! Если только этот человек не твой лучший друг! Но, это ты, к сожалению, пока просто не сможешь понять, из-за своего малого возраста. Так что, не рассказывай никому! Ты меня понял?

– Да! – кинул я.

– Ты не спросишь «почему»? – усмехнулся граф.

Я пожал плечами.

– Это же Ересь!

– Правильно! Молодец парень! – Волков облокотился на руки и подался вперед, смотря мне в глаза. – Ты должен мне это пообещать!

– Я... обещаю! – почему-то покорно сказал я.

– Антон, это не шутка! Иначе, ты будешь отчислен и никогда не исполнишь свою мечту! Поверь – Академия – это лучшее, что могло произойти в твоей жизни. Не прощелкай свой шанс! Это понятно?

– Да, – сейчас мне действительно стало понятней. Что ж. Это не трудно – держать язык за зубами. Особенно если на-

рушение этого правила может помешать осуществлению моей мечты.

– Хорошо! – вице-адмирал откинулся на спинку кресла и прищурился. Глаза его, как будто окрасились голубоватым цветом. Это меня не напугало, но насторожило. Уже гораздо позже я узнал, что так визуально проявлялся его Дар. – Ты очень интересный мальчик, Антон! Ты можешь много добиться, если будешь вести себя правильно. А чтобы всего этого достичь – тебе нужно прожить достаточно долго и, желательно в добром здравии. Возможно, через побои и тумачки жизнь человеком постигается быстрее, но у тебя с этим в жизни уже явный перебор. Поэтому, перейдем к «во-вторых». Готов?

Я кинул.

– Да.

– Так вот. Во-вторых, ты не должен причинять вреда своим союзникам. А твои сокурсники – это твои союзники!

– Но... – начал я возмущенно.

– Я знаю, что они это затеяли первыми, но вот какая штука, малыш, – он достал из стакана на столе старомодный деревянный карандаш и протянул его мне. – Возьми!

Я взял и выжидательно уставился на Владислава в ожидании продолжения.

– Сломай его! – приказал граф.

Я удивленно посмотрел на Волкова, но тот ободряюще кивнул.

– Ну же! Смелей!

Я с лёгкостью сломал карандаш, используя в качестве опоры свою худую коленку.

– Молодец! – похвалил меня граф. Он протянул руку к стакану и достал оттуда все карандаши, находившиеся там. Их было штук десять. И тоже протянул их мне. – Теперь возьми вот эти!

Я взял и снов посмотрел на начальника Академии.

– А теперь сломай их все одновременно!

Я опять недоуменно посмотрел на графа, но тот снова широко улыбнулся и подбодрил меня словами.

– Давай же! Не робей!

Я, конечно же, попытался. Но у меня, конечно же, ничего не вышло.

Владислав протянул руку, и я отдал ему целёхонькие карандаши. Он аккуратно засунул их обратно в стакан и откинулся на стуле.

– Знаешь зачем я попросил тебя всё это сделать?

– Нет, – покачал головой я.

– Один карандаш – это один человек. Его легко поломать. Десять карандашей – это десять человек. И их поломать гораздо труднее. А ведь карандашей может быть и сто и тысяча! В Империи – бессчётное количество людей! Ты не сможешь ничего добиться в этой жизни без поддержки других людей, в одиночку! Всегда найдется группа, которая будет тебе противостоять. Как ты сможешь стать Императором в

одиначку?

– Я... не знаю, – смутился я.

– А я – знаю. Ответ – никак! Есть старая поговорка: «Один в поле не воин». Так вот, тебе нужно научиться заботиться о своих союзниках, даже если они тебе не очень нравятся. Курсанты – не враги тебе, – Волков внезапно сбился и нахмурился. – По крайней мере пока вы вместе служите Империи и не разбежались по своим Линиям. Да, скорее всего вы не станете друзьями, но в один прекрасный день вы будете сражаться на одной стороне. Один Одарённый стоит нескольких десятков, а то и сотен простолюдинов. И смерть, и увечье любого из них без причины или же просто из злости и ненависти – это отвратительный поступок, недостойный Одарённого и будущего командира. А может... и Императора!

Граф улыбался. Много позже я понял, что хитрый начальник Академии вытащил из меня самое сокровенное желание и мастерски воспользовался этим знанием, чтобы защитить меня от самого себя. За это я ему был безмерно благодарен. До сих пор. А еще был благодарен за последние слова и его прощальный поступок.

– Я знаю твою ситуацию, Антон. И понимаю, что тебе будет здесь трудно. Труднее, чем всем остальным. За ними стоит мощь Линий и родственников. А за тобой – только твоя вера и мечта. Но, поверь – этого достаточно, чтобы добиться своего. Верь в себя и иди к своей мечте!

Я молчал. Он молчал. Мы смотрели друг на друга. Наконец, вице-адмирал нарушил затянувшиеся молчание.

– Но постоять за себя ты должен уметь. И при этом, по возможности, ты не должен покалечить своего соперника. Вот с этим я тебе могу помочь. Точнее, не совсем я.

Он нажал кнопку на селекторе.

– Алиса! Позови Роберта, пожалуйста!

Через секунду в кабинет зашел Роберт Хорн – Тень графа Волкова. Это был пожилой мужчина, за пятьдесят, худощавый и жилистый. Двигался он с грацией, которой бы позавидовал любой молодой атлет.

– Роберт – это Антон. Антон – это Роберт, – просто сказал вице-адмирал. – Роберт научит тебя как правильно бороться и побеждать, не искалечив при этом своего соперника.

Тень внимательно посмотрел на меня, слегка наклонив голову без тени улыбки на лице.

– Роберт, у молодого человека я вижу большой потенциал, а еще у него есть куча свободного времени, которое он не знает на что потратить. Думаю, он не будет против индивидуальных занятий с тобой, – начальник Академии начал заново набивать трубку. – Он весь твой! Свободны!

– Ну привет! – Хорн присел на корточки передо мной. Даже так, его глаза не оказались с моими на одном уровне, а были всё равно выше. Он протянул мне свою огромную лапу.

Я её осторожно пожал. И впервые увидел его сдержанную улыбку.

– Ну, пошли, что ли, хулиган малолетний! Звезда еще высоко, мы еще успеем хорошо позаниматься!

Все эти воспоминания всколыхнул во мне теплые чувства и немного сожаления. Роберт хорошо со мной поработал. К двенадцати годам я теоретически мог убить человека голыми руками двумя десятками способов. А когда нас познакомили с оружием – количество вариантов выросло до бесконечности.

Драки между курсантов вне зала прекратились сами собой. Во-первых, за это наказывали, и наказывали серьезно, а во-вторых, нам всё-таки вбили в голову понятие «дисциплина». Драчки в туалетах и «тёмные» по ночам мы оставили гражданским хлюпикам, не умеющим рассчитать угол и усилие удара в солнечное сплетение, способное мгновенно вырубить оппонента.

Оставался разрешенный и, поощряемый руководством, официальный «вызов», которым я, сказать по правде, сильно злоупотреблял. При наличии у меня плохого настроения, я приглашал кого-нибудь на поединок и там отводил свою душу и выплескивал ярость в рамках правил и под присмотром инструкторов.

К слову сказать, трусов среди курсантов не было. Моя «любимая груша для битья» – Дерек Нортон не унывал и по-прежнему вёл себя вызывающе. Даже сплевывая кровь из разбитого рта после поединка или приходя в себя после удушающего приёма, он ругал меня на чём свет стоит и обещал

все кары Инквизиторские на мою голову, как только он станет Одарённым.

Всё-таки он был «крепким орешком» и не зря пользовался авторитетом среди других курсантов. Его «стая» была самой влиятельной на курсе. И пусть физическое воздействие было под запретом, но морально они прессовали курсантов «на ура». Конечно же, каких-то других курсантов, не нас...

– Чем это тут завоняло? – хмыкнул Павел. – О! Ходячие фекалии!

– Смирнов! Тебе давно в рыло не давали? – поинтересовался Дерек. Пашка был нашим «слабым звеном» и постоянно огребал по полной на ринге. Предотвратить мы это не могли, только отомстить, так что злопыхатели не сильно этим пользовались, но иногда ему «прилетало». Тем более, что он так и не научился держать язык за зубами.

– Жопе слова не давали! – гыгыкнул Паша, но на всякий случай отошёл ко мне за спину.

– Чего тебе, Нортон? – поинтересовался я.

– Опять защищаешь свою девчонку Ноунейм? Когда же ты, наконец, обратишь внимание на настоящих женщин? Ах да, ты же нищеврод, и с тобой никто не хочет связываться!

Я вздохнул. Скорее от раздражения, чем от злости. Меня это твяканье не трогало вообще от слова «совсем». За столько лет это превратилось в какой-то ритуал, где после перекидывания обидными словами дело заканчивалось «вызовом». Или не заканчивалось. Зависело от настроения. Сейчас у ме-

ня было настроение что-нибудь пожрать, а не драться.

– Пошёл ты! – я просто развернулся и пошёл дальше в направлении столовой, кивнув приятелям.

– Ноунейм, пожри тебя, Хаос, стой! – окликнул меня «вожак».

Я вздохнул и остановился.

– Как ты задолбал, Нортон! Что еще?

– Вызов, Ноунейм! Сегодня в двадцать ноль-ноль в Синем зале!

– Да ладно?! – у меня поползли вверх брови. Последний раз Дерек вызывал меня... никогда? У него просто не было никаких шансов! – С тобой, что ли? У тебя крыша не потекла, случаем?

– Со мной, безродный! Со мной!

Я еще раз вздохнул. Детский сад. После ужасов Фаиды, в очередной раз бить морду наглому «блатничку»? Кхм... А почему бы и нет?

– Принял.

Лицо Дерека расплылось в широкой усмешке. На секунду мне показалось, что оно подёрнулось маревом. Странно... У него есть туз в рукаве? Так у меня есть Джокер!!!

Глава 5

– Какая муха его покусала? – удивился Паша, когда мы отошли от радостно улыбающейся шестерки.

Я пожал плечами.

– Сам в шоке! Он же знает, что у него нет шансов! – я попытался понять, что я упустил. Да нет, вроде ничего, у Нортон, действительно, нет шансов. – Или есть? Так-то он му-
дак, конечно, но не дурак!

– Пойдем-ка в спортзал! – тихо подал голос Тадаси. – Я кое-что у «Псов» подсмотрел, это показать быстро, но вот применить сложно. А время до восьми еще есть.

– А пожрать? – удивился Паша.

– Тебе бы только жрать! – невольно улыбнулся я.

– Ну, силы же для боя нужны! – не сдавался приятель.

– Давай так! Ты сгоняй и возьми нам сухпаёк, а мы в зал! – предложил я.

– Я вам курьер, что ли? – притворно обиделся Смирнов.

– Давай-давай! – хмыкнул я. – И поживей! Что-то у тебя в боках сильно прибавилось!

– Вы всё врёти! – скривился Паша, но автоматически дотронулся то жирненьких бочков и тяжело вздохнул. – Ладно!

И он действительно направился в сторону столовой лёгкой трусцой. Его Тень отделился от тройки и также неторопливо побежал за ним.

Мы же с Накамура некоторое время шли молча, пока он не заговорил первым.

– Антон, ты слышал про Эссенс? – начал он издалека.

– Ну, кто же про это не слышал? – пожал плечами я.

– Ты понимаешь, что может возникнуть проблема с Инициацией? – продолжил он.

– Да, конечно! – кивнул я. – Но я основываюсь лишь на чистой логике и своей интуиции, а вот у тебя, наверняка, есть инсайдерская информация?

Тадаси вздохнул и опять замолчал. Я его не торопил. Зная товарища, он сегодня уже сказал столько слов, сколько обычно за неделю не произносит. Наконец, он продолжил.

– Мой родственник Ёсинаки Отомо, как ты знаешь – заместитель командира спецподразделения «Псы Императора». Так вот. Перед моим отбытием, он сказал мне, что подразделение перебрасывают для усмирения одной из Линий. И что обычная доза Эссенса урезана вдвое. Учитывая, что это одна из самых эффективных боевых групп в Империи это уже о чём-то говорит. Если начинают экономить на «Псах» – дела в Империи совсем плохи...

– А что родственники сказали про Инициацию? – осторожно спросил я.

На это Накамура просто пожал плечами.

– Линия Минамото чтит Императора и Империю. Мы делаем так, как будет лучше для Империи. Хотя... – он бросил на меня быстрый взгляд своих узких, слегка навывкате, глаз. –

Я слышал, что некоторые курсанты не придут в Академию. Под благовидными предлогами, несомненно. Но Линии придерживают своих Одарённых, пользуясь неразберихой, чтобы в дальнейшем провести Инициацию собственными силами.

– Ясно, – кивнул я и мы пошли дальше.

Через некоторое время японец опять не выдержал.

– Я уверен, что руководство поступит правильно, но всё же... – он замялся. – У тебя же нет Линии? И нет «запасного» плана?

Я удивленно посмотрел на него.

– Ты к чему ведешь?

– Я разговаривал о тебе с Патриархами. Они могут помочь.

Я напрягся. Неужели, и этим от меня что-то нужно?

– А что вам нужно в ответ от меня?! – немного резковато спросил я.

Тадаси аж остановился, нахмурился и непонимающе посмотрел на меня.

– В смысле «от тебя»? У тебя же ничего нет!

Я несколько расслабился.

– То есть вы хотите мне помочь безвозмездно?

– Конечно! – кивнул Накамура.

Я хмыкнул, но почувствовал что-то вроде благодарности. Нет, сам Тадаси – настоящий древний самурай без страха и упрёка, и он искренне хочет мне помочь, а вот его Патриархи жуки еще те! Род Минамото был не сильно влиятелен и лю-

бой Одарённый был в нём на вес золота. А учитывая скорое резкое уменьшение людей «на Эссенсе», «цена» Одарённого подскочит в разы. Подобрать «бесхозного» Одарённого – хороший ход!

– Спасибо! – искренне сказал я простодушному самураю и хлопнул приятеля по плечу. – А теперь, когда мы разобрались с нашими опасениями и переживаниями – время для спарринга. Что-то у меня плохое предчувствие...

* * *

Синий зал назывался так, потому что, о неожиданность! – стены в нём были выкрашены в синий цвет. А армейская очевидность сделала своё дело.

В большом помещении было шесть рингов, обтянутых канатами и посадочные места на пару тысяч зрителей. Тут проводились внутренние чемпионаты. Рассказывали, что когда-то давно руководство хотело расширить кругозор курсантов и собственную значимость и устроить соревнования между Академией и другими учебными заведениями столицы, но это намерение так и не осуществилось.

Представители универов и институтов приехали посмотреть на зал и случайно увидели тренировки курсантов. Вежливо попрощались и были таковы. Даже я понимаю, что идея была глупой. Самый «дохлый» Одарённый курсант, типа нашего Пашки, раскатает десяток студентов-пиджаков и даже

не вспотеет.

Бои «вызова» редко вызывали ажиотаж. Это были простые будничные «развлечения», развивающие у курсантов дух «соперничества». В качестве рефери выступал обычно дежурный офицер по Академии и у каждого из бойцов было по «секунданту». Чаще всего в этой роли выступали Тени, но иногда были и другие курсанты.

Поэтому, я удивился невиданному наплыву народа на «рядовую» драку. Еще не все курсанты прибыли в Академию, «мелочь» обычно этим мероприятием не интересовалась, но сегодня в зале было, на вскидку, сотни три народа. Это **ОЧЕНЬ** много.

А еще одной странностью было то, что я не увидел ни одного курсанта 13-го, 14-го и 15-го года обучения. Единственное, что их объединяло, было то, что они все уже были Инициированы. И вот их, почему-то в Академии сейчас не было ни одного человека. Странно...

Народ рассаживался по скамейкам и оживленно переговаривался пока, не обращая внимания на ринги. Многие давно не виделись и им было о чем поговорить. «Практика» началась с нашего, 12-го курса, все более молодые просто отбывали на летние каникулы по своим Крепостям. И сейчас привезли, соответственно, кучу новых впечатлений, которыми им непременно нужно было поделиться.

Я просто сидел на табуретке в углу ринга и лениво оглядывал присутствующих. Разогреться мне было не нужно,

Тадаси «разогрел» меня по полной программе, так что я просто ждал своего соперника, накинув тренировочный халат, чтобы не застудить мышцы.

Краем глаза я заметил Инессу, которая делала вид, что беззаботно беседует со своими подружками, но постоянно бросала на меня косые взгляды. И веселье в этих взглядах отсутствовало напрочь.

Рядом стоял, скрестив руки на груди Тадаси. Он будет выступать сегодня в качестве моего секунданта. За рингом сидел Пашка и что-то жевал. Видимо, восстанавливал энергию после напряженного сидения на скамейке все эти три часа, что мы спарринговали. Три наших Тени устроились рядом, усиленно изображая самую невозмутимость. Только Эрик как-то чрезмерно хмурился, что выдавало его беспокойство.

А вот и Дерек Нортон, собственной персоной. Со своей неизменной пятеркой. Меня всегда удивляла его «стая». Я-то считал, что любой Одарённый стремится стать лидером. Ну, ладно, практически любой. Среди нашей троицы – Тадаси вёл себя, как угодно, только не заискивающе и неуверенно. Он просто решил быть с нами. Это было его решение, а не чьё-нибудь принуждение. Вообще, он был странный парень, но очень надежный.

Пашка... был Пашкой. Ему всё было по приколу. Он хотел в Инквизицию. А пребывание в Академии считал необходимым, для этой новой ступеньки, злом. И выкладывался

ровно настолько, чтобы его не отчислили. А с нами ему было, как он сам говорил: «весело и прикольно».

А вот шестерка Нортонa была другой. Они не отходили друг от друга ни на шаг, всё делая вместе. В основном, издевались над более слабыми. Да, это можно было отнести к стремлению к власти и некоторому извращенному «самоутверждению», если бы это не было направлено на совсем уж младшекурсников.

Надавать мелкому тумakov и отобрать немного реалов, при том, что сами они были вполне обеспеченными людьми – считалось для них нормальным. Им нравилось, когда младшекурсники, завидев их издалека, меняли маршрут движения, а некоторые вообще в панике бежали прочь.

Казалось бы, это нужно прекратить, но, «зачем?» – решило руководство. Это тоже способствует «закалке» характера. Спорное решение, как по мне, но я ведь и не Руководство.

Единственное, что объясняло происходящее, было то, что из этой шестерки только Дерек относился к действительно влиятельной Линии. Линия Кеннеди относилась к выходцам с Североамериканского континента Земли, крови которой были даже в Императорской Линии.

При том, что Дар у них был простой и прагматичный. Они были Навигаторами. А Одарённый Навигатор сэкономил кучу Эссенса, что делало грузоперевозки чрезвычайно прибыльным делом. И насколько возрастет влияние Линии в нынешней ситуации жесточайшей экономии, я не мог себе предста-

вить даже отдалённо.

Тем страннее выглядело решение отправить Дерёка в Военную Академию. Его Дар вряд ли мог как-то помочь в военных действиях и это был, скорее, вопрос престижа. Линия не могла позволить себе не закрыть вакансию известной Академии. Так Нортон и оказался здесь.

Я почему это вспомнил: я прокручивал в голове вариант его преждевременного Инициирования. Но так и не понял, чем Дар Навигатора сможет помочь ему на ринге. Разве что отправить его в дальний путь по Подпространству без корабля и скафандра?

Я чувствовал подвох, но никак не мог понять, где он. И это меня бесило.

Нортон также уже был одет в тренировочный костюм, представляющий собой обтягивающее трико. Голые лодыжки перемотаны эластичным бинтом. На руках, так же как и у меня были боевые перчатки с небольшой площадью ударной поверхности, которые отлично защищали кисть борца, при этом абсолютно «не беспокоясь» о внешности оппонента. Не увернувшись от удара, можно легко получить синяки, рассечения и перелом носа. Но, Одарённые как собаки. На них всё быстро заживает. Защита большого пальца отсутствовала. Такие перчатки почти неощутимы на руке при проведении захватов и болевых приемов. То, что нужно для хорошей драки!

Последним в зал быстрой походкой зашёл майор Генрих

Кляузе – сегодняшний дежурный по Академии. Отношение «дежурных» к боям «вызова» было абсолютно разным. Если, к примеру, майор Антонио Родригес с огромным удовольствием участвовал в этих мероприятиях, болея за курсантов и принимая эмоциональное участие в поединке, то Кляузе относился к этому виду «сбрасывания стресса» весьма неодобрительно и не скрывал этого.

Быстрый инструктаж, где майор описал основные правила, что я знал наизусть и которых было не так уж много:

– Запрещены любые виды атак на глаза... Запрещены любые виды атак паховой области... Запрещены... – быстро пробубнил майор, проверил перчатки, мы продемонстрировали ему капы и он махнул рукой объявляя начало поединка.

Нортон тут же бросился в атаку. Пока без неожиданностей. Энтузиазма у него хватало, а вот мастерства – нет. А еще он быстро выдыхался. Все наши противостояния происходили по одному и тому же сценарию.

Дерек бросался вперед, стараясь быстро закончить поединок, я же работал вторым номером, блокируя удары и пережидая всплеск его активности. Минуте на пятой он начинал выдыхаться, и тут уж я переходил к активным действиям.

А дальше всё зависело от моего настроения. Я мог быстро перевести бой в партер и закончить всё болевым приемом, либо же методично дубасить его, превращая лицо в отбивную котлету, чтобы закончить бой мощным нокаутом.

Так что я даже где-то немного расслабился, блокируя уда-

ры и неторопливо отступая, кружась вокруг противника. В психологическом плане, конечно. Физически я был собран и сосредоточен.

«Первый звоночек» прозвенел у меня в голове вместе с ярким всплеском искр из глаз, когда, с виду неторопливый, «прямой правый» пробил мой блок и впечатался мне в скулу отбросив на канаты. Это был нокдаун. На ровном месте. Я видел движение плеча Дерека, я видел траекторию удара, я выставил блок. Но удар всё равно прошёл.

На трибунах раздались выкрики, большинство из которых были одобрительными. Если бы сейчас противник пошёл на добивание, возможно, бой тут бы и закончился. Но Нортон отступил в центр ринга и ждал, пока я приду в себя. Он улыбался.

Ладно, как говорила Марья Васильевна: «И на старуху бывает проруха». Теперь моя очередь. Я перешел в атаку, осыпая соперника ударами и заставляя раскрыться. Подгадал момент и провел двойку в челюсть. Попал правой очень плотно и честно ожидал, что Дерек «поплывёт». Но тот не то, что «не поплыл», его «прямой ногой» в живот, опять сквозь подставленный блок, выбил весь воздух у меня из лёгких, и отшвырнув в сторону, как тряпичную куклу. И опять этот гад не сделал ко мне даже шага. Он стоял, смотрел как я пытаюсь заново научиться дышать и ухмылялся.

Один раз – это случайность. Два раза – это совпадение. Три раза – это вражеские происки. Вспомнил я чью-то цита-

ту. Нужно проверить третий раз. Я вскочил на ноги и попытался достать противника еще раз. Удар в печень он встретил с улыбкой, особо не закрываясь, мой локоть в переносицу, способный свернуть нос набок вызвал тихий смех, а пытаюсь сделать подсечку опорной ноги я словил ощущения удара об бетонный столб – противник даже не пошевелился.

Да он Иницированный Одарённый, пожри меня Хаос! Более того, этот Дар явно был не Даром Навигатора. Это был чистой воды «физик», если я хоть немного разбираюсь в ситуации.

Я быстро огляделся. Единственный представитель администрации в зале – майор Генрих Кляuze, Одарённым не являлся, он преподавал тактику малых групп и являлся просто отличным неударённым офицером. Сейчас он, вообще, уткнулся в планшет – происходящее на ринге его вообще не интересовало.

Дерек же перестал улыбаться и пошёл в наступление. Меня как будто колотили железными палками. Понимая, что так можно остаться без костей, я сменил тактику, пытаюсь уворачиваться вместо того, чтобы блокировать удары. Это тоже получалось не всегда.

Я видел смеющиеся глаза Нортонa, он знал, что я не превру поединок из-за своей чрезмерной гордости и не буду жаловаться на неравные условия. Вся моя жизнь – это неравные условия. И всё чему я научился – это их выравнивать.

От очередного удара ногой я уже не успевал увернуться,

так как был зажат в угол, поэтому пришлось блокировать. Неудачно. Левую руку он мне всё-таки «отбил», не удивлюсь если предплечье у меня сломано. Пока на всплеске адреналина боль была терпимой, но с рукой было явно что-то не так. Поднырнув под правую руку и, походя, приложив Дерка в печень, я выскочил на «оперативный простор» ринга.

Нет, такими темпами он меня просто покалечит. Трибуны свистели и улюлюкали. С их точки зрения происходило следующее – Нортон наступал, а я от него бегал по всему рингу, в последнее время даже не пытаюсь атаковать. Выглядело не очень мужественно.

Пора что-то делать, иначе в самое ближайшее время, от меня останется только мешок с костями. Точнее, с осколками костей. Поэтому, следующая, слегка «развязная» атака расслабившегося соперника была встречена мной прямым ударом ноги в живот. И кратковременным включением Пузыря. И это принесло свои плоды. Противник сложился пополам и рухнул на пол, раскрывая рот, как выброшенная на берег рыба.

Я не собирался по его примеру устраивать шоу, я собирался закончить этот фарс, поэтому быстро перешел в партер и взял его шею в удушающий. Однако он уже пришел в себя и попытался разжать мои руки. Опять я словил ощущение, что мои бицепсы зажаты в пневмотиски. Мне кажется, при желании у него хватит сил вырвать мои руки из плеч.

Моя любимая поговорка еще с Приюта: «с волками жить –

по волчьим выть», так что я даже не пытался соблюсти приличия, а врубил Пузырь еще раз. Противник мгновенно ослаб, а я продолжил прием. Дерек в панике заколотил по моим рукам, но без Энергии Подпространства он уже ничего сделать не мог.

А у меня опять «упала планка». Этот мерзкий червяк решил, что он самый умный? Эта мразь думает, что он и его сраная Линия хозяева жизни? Они думают, что могут унижать других и наплевать на правила?

Нет! Как говорит Эрик: «На каждую хитрую гайку – найдется свой болт с левой резьбой!»! Если я упрусь ему коленкой в спину и резко дерну влево, то я сломаю ему шею. Я улыбнулся. А если продолжу выкручивать, то, возможно, мне хватит сил медленно открутить ему голову. Это будет весело! Я представил, как я встаю, окровавленный и держу голову противника за волосы. Такого зрелища стены Академии вряд ли видели за все свои тысячи лет!

Кто-то попытался разжать мои руки и освободить шею Нортонa из захвата. Ну уж нет, я отмахнулся локтем, попав в чье-то лицо.

«Один Одарённый стоит нескольких десятков, а то и сотен простолюдинов. И смерть и увечье любого из них без причины или же просто из злости и ненависти – это отвратительный поступок, недостойный Одарённого и будущего командира. А может... и Императора!» – перед глазами у меня возникло лицо графа Волкова.

Сожри меня Хаос! Пузырь! Разум мой очистился ровно настолько, что я отпустил шею курсанта и ногой оттолкнул его бесчувственное тело к середине ринга. Подальше от себя. Подальше от искушения. Подальше от сладкой мести...

Меня кто-то стукнул по лицу. Я оскалился и уже хотел провести подсечку с добиванием, когда увидел узкоглазое лицо своего секунданта. Очень обеспокоенное лицо. Из разбитого носа у него почему-то текла кровь. Его рот открывался и закрывался, он, видимо, что-то пытался мне сказать, но я ничего не слышал, кроме звона в ушах.

Он показал мне свою открытую ладонь и ткнул в меня пальцем. Я кивнул. Он влепил мне пощечину. Раз. Другой. Помогло. Звон ушёл, и я услышал шум в зале.

Обернулся и увидел множество людей вокруг и на ринге. Сбоку приводили в себя Дерека. Похоже, я всё-таки не свернул ему шею. Вот обеспокоенное лицо Пашки, вот через толпу продирается ко мне Эрик.

Я потряс головой, освобождаясь от наваждения.

– Какого Хаоса вы тут устроили, господа курсанты?! – громогласный голос начальника Академии вице-адмирала Волкова вряд ли можно было спутать с каким-то другим. Тем более в те редкие моменты, когда он злился. А сейчас он злился очень сильно!

Я, всё ещё лёжа на полу повернул голову и увидел, как он направляется к рингу, подобно ледоколу раздвигая образовавшуюся толпу. А ещё за ним шёл человек в белой робе, от

которого курсанты буквально отпрыгивали в стороны. Инквизитор Ордена Очищения, собственной персоной...

Глава 6

Допрос состоялся в кабинете начальника. Я не знаю, чья это была инициатива, но граф Волков на «беседе» не присутствовал. Инквизиция могла всё. Даже отжать у начальника Академии его кабинет. Хотя, не думаю, что вице-адмирал сильно сопротивлялся.

В спортзале всё закончилось довольно быстро и, пока, для меня благоприятно. «Белый плащ» приложил руку ко лбу слабо трепыхающегося Дерека, на секунду прикрыл глаза, отошёл в сторону и махнул рукой. Два сопровождающих его экзекутора так же молча подхватили бессознательного Нортон под руки и потащили к выходу.

Дёрнувшаяся Тень Одарённого наткнулся на насупленный взгляд из-под белого капюшона, слегка стушевался, но всё же взял себя в руки и задал вопрос, смиренно склонив голову.

– Господин инквизитор, я могу сопровождать своего Одарённого?

– Нет! – ответил инквизитор тихим и безэмоциональным голосом. И посмотрел на меня. Пристально и как бы изучающе. Как будто хотел что-то сказать, но его отвлёк Волков, став так, чтобы перекрыть своим телом вид на моё замученное тело.

– Ваше Святейшество! Я хотел бы знать, куда вы отправите

моего курсанта?

– Не волнуйтесь, граф. С ним всё будет в порядке. Пока в порядке... А вот когда я выясню, как он провёл Инициацию и кто ему в этом помогал, тогда я уже не смогу вам дать никаких гарантий.

Инквизитор помолчал, а затем развернулся и направился к выходу.

Тень Нортон, было, дёрнулся следом, но упёрся в руку начальника Академии.

– Он сказал, нет! – негромко повторил Волков.

Инквизитор, почти дойдя до выхода, внезапно остановился и обернулся. Вскинул руку и упёрся в меня указательным пальцем.

– Этого курсанта мне нужно допросить. Он мне нужен через час!

Он опустил руку и перевел взгляд на вице-адмирала.

– Будет исполнено, Господин инквизитор! – медленно, как будто через силу, кивнул Граф.

Инквизитор еще раз посмотрел в мою сторону и вышел вон.

Вице-адмирал подошёл ко мне и сложил руки на груди, смотря на меня сверху-вниз.

Я протянул руку, и Эрик помог мне подняться на ноги. Чувствовал я себя, как будто меня провернули через мясорубку. Всё тело болело, азарт боя отходил на задний план, сильно заныла поврежденная рука.

– Ваше Сиятельство! – кивнул я.

– Ноунейм, пожри тебя Хаос, ты что натворил? – расстроенно покачал головой Волков.

– Извините? – не понял я.

Начальник Академии быстро осмотрелся. Нахмурился, увидев множество любопытных взглядов и кивнул в сторону выхода.

– Иди за мной!

И, не дождавшись меня и не оглядываясь, направился к выходу.

Я вздохнул и двинулся следом, прихрамывая на две ноги одновременно.

– Тебе нужно в лазарет! – прошипел мне на ухо Эрик, правда, без большой надежды.

– К Хаосу лазарет! – махнул я рукой и поковылял дальше.

Рядом тут же нарисовался Смирнов, который рассерженно зашипел мне на ухо.

– Что за чертовщина, Тоха? Сначала Дерек, пожри его Хаос, рассказывает всей Академии, что он разорвёт тебя на кусочки. Потом, он действительно, чуть было не разорвал тебя на ринге. А сейчас «беляш» хочет с тобой поговорить!!! Ты что, затеял покушение на Императора?

Я, невольно вздрогнул, и посмотрел на друга.

– Нет, пока...

– Нортон инициированный физик, – с другой стороны образовался Тадаси. И это было скорее утверждение, чем во-

прос.

– С чего ты взял? – удивился Пашка.

– Ты бой видел? – вопросом на вопрос ответил Накамура.

– Ну да! – кивнул Паша.

– О чём с тобой говорить! – раздражённо махнул рукой японец и спросил у меня, понизив голос до шёпота. – Антон, как ты это, к Хаосу, провернул? Я же видел его силу, у тебя просто...

– Так получилось, – прервал я приятеля, слегка улыбнувшись. – Волею Императора и его божественным провидением!

Конечно же мой ответ его не удовлетворил, и он открыл рот, для уточнений, но я показал глазами на окружающую толпу, которая откровенно глазела на нас, пытаясь ухватить каждое сказанное нами слово. Накамура понял и заткнулся, нахмурившись так, что его, и так узкие глаза, напрочь скрылись под густыми бровями.

Мы шли к выходу, курсанты расступались при нашем приближении, на секунду замолкали, пристально рассматривая нас с ног до головы, но тут же продолжали обсуждение, как только мы проходили дальше.

Чувствовал я себя прескверно физически, но это не шло ни в какие сравнения с моим психологическим состоянием. Я солдат. Более того, я Одарённый солдат. К боли я привык и отношусь к ней философски. Как там было в очередной поговорке Эрика: «То, что меня не убивает и не калечит –

делает меня сильнее!». Спорное утверждение, как по мне, имеющее двойное, а может и тройное «дно». Но если не уходить в дебри философских размышлений, то эта фраза была мне сильно по душе. По крайней мере в самом простом её смысле. Опыт. Опыт, полученный от противостояний и физической боли однозначно идет мне на пользу в будущем. Кроме этого, нужно помнить, что на Одарённых всё заживает очень быстро.

А вот тревожность по поводу предстоящего разговора с инквизитором у меня реально зашкаливала. Какого Хаоса он, вообще, здесь появился?!!

Я дохромал до выхода из спортзала, где меня дожидался Волков. Он провожал взглядом только что отъехавшую машину с инквизитором и его помощниками, увозящими Нортона.

Перевел взгляд на меня, скептически осмотрел с ног до головы и кивнул.

– Машину мою забрали Слуги Императора, так что нам придётся пешочком прогуляться. Не возражаешь?

У меня всё внутри сжалось, сил реально практически не осталось, но я выдавил из себя улыбку и ответил преувеличенно бодрым голосом.

– Конечно же! С превеликим удовольствием! Погода сегодня просто чудесная для прогулки!

– А ты молодец! – хмыкнул вице-адмирал и неторопливо двинулся в сторону административного корпуса, до которого

было два километра, бросив через плечо. — Тень пусть отстанет... Сильно отстанет. И приятели твои пусть прогуляются в другую сторону.

Я посмотрел на Эрика и Тадаси с Пашкой. Все синхронно кивнули, а Пашка даже поднял сжатый кулак «держись, мол». Я кивнул в ответ и двинулся за графом. Эрик последовал за мной, сильно отстав.

Мы прошли уже довольно много, когда Граф, наконец заговорил.

— Ты прошёл бесконтрольную Инициацию?

— Нет! — быстро ответил я. Слишком быстро, как мне самому показалось.

Волков хмыкнул и, бросив на меня быстрый взгляд, уставился обратно по ходу движения. Я успел заметить отблеск голубого сияния в зрачках. Зачем он сейчас применяет Дар?

— Правильно! Вот так всем и говори!

— Но, Ваше Сиятельство... — попытался я оправдаться.

— Я не хочу с тобой больше это обсуждать! — отрезал вице-адмирал.

— Хорошо, — кивнул я обреченно, и опять замолчал.

Волков покопался во внутреннем кармане, достал оттуда маленькую коробочку и протянул мне.

— Открой!

Я открыл. Внутри находилась маленькая таблетка чёрного цвета. Я достал её и покрутил в пальцах, разглядывая. Поднёс к носу и понюхал. Она абсолютно ничем не пахла.

– Съешь её! Прямо сейчас! – приказным тоном сказал начальник Академии.

Я посмотрел на него, на таблетку, опять на него и всё-таки осмелился на вопрос.

– Что это?

– Тебе этого знать необязательно! – ответил граф, не глядя на меня и продолжая неторопливо идти, заложив руки за спину. – Меньше знаешь – крепче спишь!

– Но... гхм... – да, я опасался! И не стыдился этого.

– Нет, ты не отравишься! – первый раз за весь разговор улыбнулся Волков. – Если бы я зачем-то желал твоей смерти, а я хочу заметить, что это не так, то возможностей это устроить у меня было предостаточно!

И правда. Я всё ещё менжевался, не торопясь отправлять неизвестное «нечто» в рот.

– Это мне инквизитор Хокус оставил, – тихо пояснил мне граф. – Для... подобных случаев.

Я вздохнул и отправил таблетку в рот, зажал зубами и... она растворилась бесследно, подобно Эссенсу, но с немного другим эффектом. Я бы даже сказал, с противоположным!

Мне как будто надели на голову прозрачный мешок. Все мои чувства притупились, острота зрения упала, звуки стали тише и запах вечерней сухой травы несколько потускнел.

А ещё я почувствовал лёгкую тошноту и резкий упадок сил. Все мои раны заболели с удвоенной силой, и я еле сдержал стон, когда от неожиданности неудачно подвернул ло-

дыжку и чуть было не рухнул на землю.

– Ты скоро придёшь обратно в норму! – поддержал меня под локоть граф, удерживая от падения. За больную руку. Я зашипел от боли.

– Извини! – он отдёрнул свою руку, убедившись, что я не собираюсь падать.

Мы молча пошли дальше, но усилий мне теперь это стоило гораздо больших. Такой слабости в теле я уже и не припомню. Что, Хаос, побори со мной творится? Неужели... Краем глаза посмотрев на ушедшего в себя вице-адмирала, и осторожно попытался врубить «третий глаз». У меня ничего не вышло. И со второго раза тоже. И с третьего.

Ошеломлённый, я попытался призвать безотказный Пузырь. С тем же результатом, то есть, с нулевым.

– Как погиб Хокус? – внезапно поинтересовался граф.

– В результате неожиданной «одержимости» барона... – начал я заученные строки из своего же рапорта, но Волков меня перебил, скривившись как будто от зубной боли.

– Я читал твой рапорт. И рапорт ВРИО командира полка тоже читал. Ты там был. Расскажи своими словами, без протокола.

И я рассказал. Практически так, как было на самом деле, но придерживаясь «официальной версии», в которой было сказано, что инквизитора растерзало уже безголовое тело демона.

Граф старательно не смотрел на меня, продолжая двигать-

ся неторопливо, чтобы я в своём состоянии мог за ним поспевать.

– Меч свой тебе отдал?

– Да, – кивнул я.

– Береги его. Это очень необычное оружие. Удивляюсь, что старый боевик завещал его тебе, ведь он уже тысячи лет передавался внутри Инквизиции. Неровно он к тебе дышал. Видимо, стар уже стал, раз поддался чувствам. Неудивительно, что он позволил себя убить.

Последняя фраза, высказанная раздраженным тоном, заставила меня напрячься и я хотел уже было возразить, когда Волков продолжил.

– Он был хорошим человеком, Ноунейм! Хотя и инквизитором, да. Тебе повезло, что ты его знал при жизни...

Он опять замолчал, предавшись воспоминаниям.

– Господин вице-адмирал! – подал я голос.

– Слушаю, курсант.

– А этот... инквизитор из Ордена Очищения – это новый штатный инквизитор Академии?

Граф невесело рассмеялся.

– Да избави меня Император, от такого штатного инквизитора! Нет, брат Дексус прилетел сюда по твою душу. Как он сказал: «Провести беседу!»

Я оторопел. Так буднично граф сказал, что инквизитор из Ордена Очищения преодолел кучу световых лет, чтобы поговорить со мной? Тогда сразу второй вопрос. Почему я

до сих пор не в кандалах? Слышал я, как подобные беседы проводятся.

– А... о чём?

– Да откуда ж я знаю, Ноунейм! – покачал головой начальник Академии. – Он мне не докладывал, а просто прилетел и изъявил желание!

– А как вы попали на «вызов»? – осторожно поинтересовался я.

– Абсолютно случайно! – ответил Волков. – Просто узнали у дежурного, где ты в настоящий момент находишься и выехали прямо в спортзал, дабы не терять драгоценного инквизиторского времени. А тут всплеск Энергии. Нортон, тупая башка, чем он только думал? Теперь у Линии Кеннеди будут проблемы. Большие проблемы.

Вот это случайность, пожри меня Хаос! А если бы они зашли на пять минут раньше?!

Молча мы дошли до невысокого админкорпуса, утопающего в зелени. На клумбе как раз включился автополив, и вода из распылителей веселыми фонтанчиками начала разбрызгиваться на аккуратно стриженный газон, добавляя в воздух «вкусный» запах травы.

Я с удовольствием вздохнул и облокотился на спинку стоящей массивной скамейки, не решаясь на неё сесть в присутствии графа.

Волков посмотрел на часы и кивнул.

– Пошли!

Высокие деревянные двери из массива дуба, потемневшего от времени, выглядели внушительно. Створка открылась с лёгким скрипом, и мы зашли в просторный холл.

Поднявшись по широкой мраморной лестнице, покрытой ковровой дорожкой, на второй этаж мы зашли в приемную, где нас ждала испуганный секретарь, бросающая нервные взгляды на подпиравшего косяк здорового экзекутора.

– Вас уже ждут! – пискнула девушка. Смущенно посмотрела на Волкова и добавила. – Курсанта просили зайти одного!

Граф ободряюще мне кинул и махнул в сторону двери, а сам уселся на диванчик для посетителей и невозмутимо достал трубку.

Я постучался, и не дождавшись приглашения, зашёл внутрь.

Белая фигура в сгущавшихся сумерках стояла около окна, спиной ко мне. Инквизитор, заложив руки за спину что-то рассматривал во дворе Академии.

Я остановился, не зная, что мне делать.

– Я Брат Дексус! – раздался голос инквизитора, всё еще смотрящего в окно. Голос был тихим, но пробирал до самых уголков души. Возможно, всё дело в репутации Ордена, а возможно, инквизитор может воздействовать на людей ментально, добиваясь такого эффекта.

Он резко повернулся и уставился на меня немигающим взглядом. Его можно было назвать привлекательным муж-

чиной средних лет, с мужественным широким подбородком и тонким прямым носом, если бы не его взгляд. Последнее, о чем могли думать люди, глядя ему в глаза – это о его «привлекательности». Также невозможно было испытывать к нему расположение, либо уважение. Только страх.

– Во имя Императора нашего, милостивейшего и справедливейшего! Начнем!

Он двумя быстрыми шагами подошёл к столу и взял с него планшет, стилизованный под бумажную книгу с регалиями инквизиции и Ордена. Открыл его и уставился внутрь. Почему-то мне казалось, что планшет ему не нужен, а это было просто представление. Для чего? Кто их, к Хаосу знает?

– Как ты убил демона, который напал на брата Хокуса?

Первый вопрос не подразумевал «двоечтения», однако я рассказал «свою» версию. Только по этому эпизоду допрос длился полчаса. Инквизитор хотел знать хронологию каждой секунды боя, особенно его окончания, когда безголовый демон разрывал боевого инквизитора. Рассказывая заученную историю, я чувствовал себя дураком, сам себе уже не веря. Но я верил в покойного Хокуса и действовал именно так, как он просил.

К моему удивлению, вопросы были только уточняющие и наводящие. Инквизитор не давил, он только спокойным голосом пытался разобраться в ситуации. Пару раз переспрашивал одно и то же, видимо проверяя показания, но у меня с памятью всегда было отлично, поэтому я ни разу не сбился.

По крайней мере, мне так казалось.

Затем были вопросы про бой на Космодроме с «одержимыми» и их предводителем, бой в городке, пещерах и на лесопилке. Отдельный блок был посвящен демонам Подпространства, проникшим на борт «МакКоя».

Когда мы закончили, через несколько часов, я уже еле стоял на ногах. Сесть мне так и не предложили. Хотя и инквизитор всё это время тоже был на ногах, периодически прохаживаясь по кабинету.

Я ждал главного вопроса и вот я его и дождался.

– Где Одарённые дети?

– Я не понимаю, о чём вы! – попытался изобразить я непонимание на лице.

– Тогда я напомню.

Инквизитор опять заглянул в планшет.

– Первый индивид. Пол женский. Предположительный возраст – восемь-десять лет. Энергетик. Предположительный Дар – Энергетическая Волна. Второй индивид. Пол мужской. Предположительный возраст – восемь-десять лет. Предположительный Дар – физик. Ничего не вспоминаете?

Я чувствовал себя полнейшим дураком, но отрицательно покачал головой.

– Не понимаю о чём вы!

Инквизитор вздохнул, первый раз за разговор выказав что-то вроде раздражения.

– Курсант, прекращайте уже! Эти дети прибыли с вами на

Нобель!

– Я ничем не могу помочь вам, инквизитор! – продолжал гнуть я свою линию.

– Хорошо, попробуем по-другому! – он резко шагнул ко мне, и я автоматически принял боевую стойку, готовясь защищаться.

– Спокойно, курсант! – рявкнул брат Дексус. Он взял за спинку стоящий у стола стул для посетителей и поставил передо мной. – Садись!

Я сел. Он стал передо мной и положил свою ладонь мне на лоб. От его руки прямо-таки несло Энергией, по телу побежали неприятные волны.

– Будет неприятно! – сказал инквизитор и закрыл глаза.

Неприятно?! Адская боль ударила мне в мозг и свела судорогой все мышцы. Я бы упал со стула, но инквизитор второй рукой придержал меня за плечо, прижав к спинке стула. У меня было полное ощущение, что закипает жидкость в глазных яблоках и я потерял зрение. В ушах раздавался яростный вой, и я потерял слух. Кожу жгло одновременно жарким огнём и жгучим холодом. Я потерял осязание. Похоже, осталось только обоняние, которым я чувствовал странный, приятный запах, который шокированный мозг идентифицировал как стиральное средство. Так пахла белоснежная роба инквизитора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.